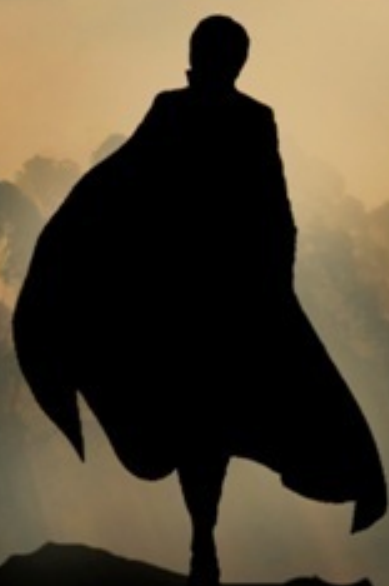

Дин Лейпек

ДРАКОН
ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ

КНИГА II

Дракон должен умереть

Дин Лейпек

Дракон должен умереть. Книга II

«1С-Публишинг»

2020

Лейпек Д.

Дракон должен умереть. Книга II / Д. Лейпек — «1С-Пабблишинг», 2020 — (Дракон должен умереть)

Дин Лейпек – псевдоним молодой талантливой писательницы из Москвы. В её активе романы, стихи, рассказы, литературные блоги. В 2017 году Дин Лейпек выиграла конкурс «Фантастический прорыв» с книгой «Это всё придумали люди», выпущенной издательством «Флюид Fri-Fly». Автор является также призёром конкурса рассказов «Далёкий-далёкий космос», проведённого издательством «1С-Пабблишинг» на интернет-площадке Author.Today. Трилогия «Дракон должен умереть» – героическое фэнтези, где сплетаются любовная, приключенческая и философская линии, придавая циклу редкостную для жанра глубину. Предлагаем вторую книгу трилогии. В Инландии новый король – убийца своего отца и возможный виновник предстоящей гибели страны, ведь правит он так, будто старается её уничтожить. Среди вспыхнувших беспорядков мало кто заметил передвижение на запад человека по имени Рой. Он идёт по следу принцессы Джоан, которую ещё не поздно спасти, пока дракон не завладел её сущностью полностью. Вопрос в том, от кого её спасти – от убийц, подсылаемых братом, от себя самой, или же спасти нужно не её, а тех, кто рядом с ней, ведь дракон внутри неё готов вырваться наружу в любую минуту. Читайте продолжение истории!

Содержание

Чудовище Дельты	5
Цена преступления	15
Мир за частоколом	24
Искусство убивать	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дин Лейпек

Дракон должен умереть. Книга II

Чудовище Дельты

Рано утром через северные ворота Дельты входило много народа. Немало и покидало город, пробиваясь сквозь плотный поток в обратном направлении, благодаря чему на узкой улице, ведущей к воротам, образовывалась роскошная, непрекращающаяся, бурлящая и кипящая давка. Люди толкались, расчищали себе путь локтями и норовили наподдать каждому, кто задевал их локтями в ответ. Мужчины ругались, женщины визжали, младенцы орали, скот ревел – и над всем этим гордо и немного надменно развевался флаг с гербом Дельты, довольно омерзительного вида морским чудовищем, сжимавшем в лапе трезубец. Легенд происхождения герба было множество, но в любом случае он отражал дух портового города. Дельта была мрачной, тесной и грязной. Находившаяся всего в нескольких десятках миль от Акрии, столицы, она никогда не получала большой прибыли от обширной морской торговли, и лишь служила поставщиком дешевой рабочей силы на корабли, а заодно ареной для всех сделок и операций, которые проводить за светлыми стенами столицы было как-то несподручно.

Утро тринадцатого дня последнего весеннего месяца было тем более неприветливым, что сегодня, как назло, был еще и пятый день недели. Как и все жестокие и циничные люди, дельтцы были неимоверно суеверны, верили во все до единой морские приметы, носили обереги, слушались советов ворожей и гадалок – и искали на небесах объяснений и знаков для своей несложившейся жизни. Тринадцатое число всегда было предметом для справедливого негодования – пятый же день недели, пару раз в году приходящийся на это не благословенное во всех отношениях число, был проклинаем не раз и не два. Все знают – в этот день жди беды.

Однако день, суливший столько несчастий жителям забытого Светом и Тьмой города, начался хоть и уныло, но без происшествий. Стражник у северо-восточных ворот к полудню начал, как обычно, клевать носом, пока его не сменил приятель, а сам он не пошел набить живот и проветрить голову, отупевшую от постоянного крика и ора. Вернувшись на пост слегка взбодрившимся, он начал развлечения ради рассматривать всех входящих в город и выходящих из него – занятие, которое, по идее, входило в его прямые обязанности, но к которому он всегда относился как к развлечению.

Стражник делил всех на две категории – давящие и давимые. В жизни, насколько он успел заметить, люди делились именно так, а давка у ворот лишь обостряла эти черты, делала их более заметными. День на день не приходился – иногда больше было одних, иногда других. Стражник вел строгий счет и каждый вечер выводил результат. В зависимости от соотношения он соответственно выпивал после заката рюмку наливки или пинту пива – тем самым подводя итог и закрывая очередной безрадостный день.

В отличие от большинства жителей, в приметы стражник не верил, а потому не ожидал от тринадцатого числа ничего необычного, даже если оно совершенно случайно оказалось пятым днем недели. Он был свято уверен, что дни недели и числа совпадают по хаотичной воле случая и как-то раз открыто высмеял одного ученого паренька, который уверял стражника, что возможно высчитать, каким днем недели будет любое число любого месяца спустя миллиарды лет. Стражник не поверил тогда – а поскольку парнишка через несколько месяцев затонул на «Среброокой», он решил, что это является косвенным доказательством его, стражника, правоты, так как демонстрирует совершенное бессилие человека перед стихией. Стражник не верил в приметы. Но сила природы была для него совершенно очевидна.

Вот и сегодня, совсем согласно с природой, сильные и решительные давили в толпе слабых и робких, слабые и робкие в ответ исподтишка огрызались и покусывали сильных – жизнь шла своим чередом. Стражник уже снова начал скучать и отвлекаться от собственного подсчета, когда его взгляд привлекла необычная фигура в толпе. Это был паренек, среднего роста, но жутко тщедушный. Короткие темные волосы чуть рыжеватого оттенка торчали во все стороны, взъерошенные ветром. Одет паренек был как самые бедные работяги, тянувшиеся в город в поисках куска хлеба – рубаха, бесформенные штаны, босые ноги уверенно шлепали по грязи. У него было холеное, почти девичье лицо, и стражник точно бы решил, что это девка, если бы не две интересные особенности. Во-первых, выражение этого тонкокочертного лица отнюдь не пристало девице, ибо было слишком холодным и решительным. Стражник ежедневно видел многих девушек, входивших в город и выходявших из него, и слишком часто он встречал в толпе их испуганный взгляд и слышал в общем гуле вскрики и писк.

Кроме того, у молодого путника была примечательная и совсем не женская манера двигаться, которая, собственно, и привлекла внимание стражника. Юноша обладал особенным талантом перемещаться даже в тех местах, где это, казалось, было совершенно невозможно. Никого не давя и не терпя видимых неудобств, он скользил между людьми, легко проскакивал между спрессованными телами, уворачивался от неповоротливых телег, незаметно проходил между лошадьми и людьми, равно не замечая ни тех ни других. Стражник внимательно следил за перемещениями юноши, одновременно пытаясь причислить его к какой-либо из двух категорий людей и постепенно приходя к выводу, что парнишка, судя по всему, принадлежал к высшей касте – той же самой, к которой принадлежал и он сам, стражник. Это был особенный род людей, крайне редко встречающихся в народе – тех, кто не давил сам и не давал давить себя другим, но существовал независимо и от тех, и от других, наблюдая за ними со стороны.

Юноша в толпе неожиданно поднял голову и встретился взглядом со стражником. После недолгого раздумья он вдруг поменял свой курс, пересек плотный поток, идущий из города, – и невозможным, невероятно быстрым прыжком взлетел на стену, в пару раз превышающую человеческий рост. Стражник замер, широко раскрытыми глазами глядя на юношу, балансирующего на краю парапета. Тот резко выпрямился, оглянулся на людское море внизу, после чего легко соскочил на каменную площадку. Стражник машинально сжал древко алебарды.

– Отвратительно, – спокойно сказал юноша высоким женским голосом. – Я и не знала, насколько ужасны большие скопления народа. Доброго дня, – кивнул он стражнику, после чего мгновенно и бесшумно скрылся в узком проходе, идущем от караульной вдоль стены.

Стражник несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, потом растерянно посмотрел на толпу внизу. Когда он обернулся к темному переулку, там уже никого не было.

* * *

По выходным в Дельте всегда бывала ярмарка. Мероприятие это, шумное и грязное, как и все в портовом городе, непременно кончалось парой трупов, а то и поджогом. Однако власти города разумно полагали, что лучше пара трупов раз в неделю и один сгоревший трактир, чем вооруженное восстание и пожар на полгорода. А дельтские ремесленники и моряки могли устроить и то и другое. Просто от скуки.

Сегодня же день был особенный – капитан «Веселого», корабля, промышлявшего как торговлей, так и довольно сомнительными делами, устраивал соревнования. Любой желающий мог принять в них участие – а желающих было много. Главный приз, тысяча лотаров золотом, приманивал в город искателей приключений со всей округи. Менестрели в портовых трактирах воспевали немислимую щедрость капитана – однако руководила им отнюдь не она. Соревнования было частью сделки, на основании которой власти Дельты закрывали глаза на сомнительные дела «Веселого». Они прикрывали его перед Акрией, когда оттуда приходил очередной

запрос после ноты протеста какого-либо союзного государства, чьи корабли атаковал «Веселый». Тысяча лотаров была не самой дорогой платой за подобную услугу – благо соревнования устраивались раз в год, в мае. Город же получал отличную возможность разом избавиться от большей части искателей приключений – ибо одна половина благополучно сворачивала себе шею, а вторая шла в команду «Веселого» в качестве поощрительного приза. Победитель же либо вкладывал полученные деньги в собственное дело, способствуя экономическому росту города, либо спускал все в ближайшие несколько месяцев – лишние деньги так или иначе все равно добирались до городской казны. В результате все были довольны – кроме, разве что свернувших шею. Но их мнение мало кого интересовало.

Нынешний день выдался особенно жарким. Солнце опаляло лучами центральную площадь, на которой высились разнообразные хитроумные конструкции. Составленные в ряд, чтобы образовать непрерывную полосу препятствий, они широкой дугой огибали площадь с южного конца и заканчивались перед большой трибуной, возведенной возле ратуши. Солнечные часы на башне показывали полдень – все было готово. Знатные лица потели на трибуне, вытирая мокрые лбы рукавами ярких платьев, участники потели на старте, вытирая лбы рукавами рубах и рабочих курток. Простой народ толпился на площади, прилегавших улицах, – и на крышах. Обладатели этих, бесспорно, лучших мест – ибо там не только открывался отличный вид, но и воздух был самым свежим – кидались шелухой от орехов в стоящих внизу. Те ругались и грозили кулаками наверх, прикрывая глаза от яркого солнца.

Капитан «Веселого», Курт Глок, поднялся со своего места и оглядел площадь. Его ярко-красный камзол с золотыми пуговицами и нашивками был виден издали – зрители заплодировали. Капитан широко улыбнулся. Зубы у него были далеко не идеальными – но этого издали видно не было. Толпа улюлюкала, размахивала платками, шляпами и просто непонятным тряпьем, мальчишки пронзительно свистели. Курт поднял руку, помахал толпе, подождал пару мгновений – и медленно опустил ладонь. Шум пошел на спад – и наконец затих. Капитан проводил эти соревнования уже восьмой раз – и прекрасно знал, как толпа реагирует на малейшее его движение. Курту было глубоко плевать, что происходило с городом в его отсутствие, – но один раз в году он был его кумиром. Любимцем. Королем. И Курт об этом знал.

Он подождал, пока затихнут последние выкрики, еще раз окинул всех взглядом, как оглядывал всегда корабль перед боем – и звучным низким голосом, привыкшим выкрикивать команды в грохоте сражения и в шторм, воскликнул:

– Начинаем!

* * *

Солнечные часы на башне показывали четыре часа пополудни. Городская стража пыталась достать из-под одного из снарядов последнего участника. Тот громко стонал всякий раз, когда его пытались вытянуть за руки – комплекция у парня была внушительная, и широкая грудь, придавленная маятником, застряла намертво. Стражники тянули, парень стонал – толпа выжидающе и устало потела.

Соревнования шли туго. Несколько человек дошли до середины – но все срезались на маятниках. Кто-то, более разумный, сходил с дистанции сам, кто-то пытался пройти – тех уносили на руках. Курт сидел, грустно подперев голову рукой. Он уже понял, что идея повесить маятники в два раза чаще, чем в прошлом году, чтобы внести разнообразие, была провальной. Конечно, если до конца никто так и не пройдет, он может сэкономить – но Курт знал, что это не лучший вариант. Толпе нужна была победа. Ей нужен был герой, про которого сложат балладу – пока что баллада получалась только о тридцати неудачниках. Двадцати девяти, если быть точным.

Стражники наконец смогли вытянуть громилу – тот с жутким ругательством свалился с помоста, да так и остался лежать в пыли. Курт прищурился, рассматривая толпу участников. Она заметно поредела. Никто уже не бежал к старту, надеясь на удачу. Глашатай напрасно выкрикивал имена, записанные в алфавитном порядке, – участники не спешили отзываться.

«Пора закругляться», – подумал Курт, как вдруг заметил какое-то движение на старте. Сквозь гул заскучавшей толпы он не мог разобрать слов – но тут на помост запрыгнул паренек. Курт снова прищурился. На пареньке были только рубаха и широкие холщовые штаны – босые ноги чернели на фоне свежих сосновых досок. Глашатай поднялся на возвышение – и громко крикнул:

– Джо Дрейк!

Курт прищурился еще сильнее. «Ребенок, – подумал он. – Сейчас у меня на соревнованиях погибнет ребенок – и тогда толпа меня прибьет. А потом городской совет четвертует. И наложит штраф».

Курт мгновенно поднялся. Шум в толпе утих. Капитан в сопровождении двух стражников спустился с трибуны и прошел по краю помостов с препятствиями к старту. Паренек стоял, скрестив руки на груди.

– К соревнованиям допускаются только совершеннолетние, – заявил Курт, выходя на стартовую площадку. Одна из досок громко скрипнула под сапогом. Курт поморщился.

– В Дельте совершеннолетие наступает с семнадцати, – спокойно заметил паренек высоким голосом. Курт внимательно присмотрелся к его лицу, с тонкими, изящными чертами, скорее уместными на гравюре, изображающей высокородных кавалеров и дам, чем...

Курт присмотрелся еще внимательней.

– И только мужчины, – прошипел он еле слышно, подходя ближе к девушке, – а было совершенно очевидно, что перед ним стоит девушка. Возможно, ей даже было семнадцать – но это уже ничего не меняло.

Девушка усмехнулась – жестко, недобро – и тоже сделала шаг вперед. Пристально посмотрела ему в глаза. Он заметил, что они у нее очень странного цвета – как будто бы зеленые, но при этом с еле заметными желтыми всполохами.

– Мне нужны деньги, – девушка почти шептала, но Курт слышал каждое слово очень отчетливо.

– Нет, – сказал он твердо. – Никаких женщин и детей.

– Я не женщина, – усмехнулась девушка. – И не ребенок.

Ее глаза гипнотизировали, сбивали с толку. Курт раздраженно моргнул.

– Жить надоело, девка? Ты и до середины не дойдешь.

– А если и так? Это мое дело.

– Ошибаешься. Если с тобой что-нибудь случится, достанется мне. Правила есть правила.

– А если я скажу, что беру всю ответственность на себя?

Курт нахмурился.

– Вам нужен победитель, – продолжила девушка еще тише. – А мне нужны деньги. Это взаимовыгодная сделка.

– С чего ты взяла, что можешь выиграть?

Девушка ничего не ответила – только усмехнулась еще шире. И Курт вдруг почувствовал, что она может.

Эта – может.

– Ладно, – поморщился он. – Валяй. Поднимись вон туда – он махнул рукой на возвышение, на котором стоял глашатай, – и скажи громко, что ты принимаешь участие в соревнованиях на свой страх и риск.

Девушка хмыкнула, развернулась – и взлетела на надстройку одним прыжком, мгновенным и точным. Курт слегка наклонил голову, оценивая движение. Может, он и впрямь не ошибся.

– Я, Джо Дрейк, заявляю, что принимаю участие в соревнованиях на свой страх и риск, – девушка говорила очень странно – тихо, но так, что Курт был уверен – даже мальчишки на крышах слышат каждое слово. – Капитан Глок не несет никакой ответственности за любые полученные мною увечья – или смерть.

Толпа приветственно захлопала. Курт улыбнулся. Герой намечался знатный.

Если она дойдет.

Он кивнул девушке и направился к трибуне. Поднялся, сел. Посмотрел на одинокую фигурку, неподвижно застывшую на линии старта. И махнул рукой.

На площади было очень тихо. Джо Дрейк, тридцатый участник соревнований, начал проходить полосу препятствий.

* * *

Поначалу было легко. Цепочка брусьев, подвешенных на большой высоте, веревочная дорожка, шест, на который нужно было забраться, а потом с него перепрыгнуть на еще один подвешенный брус – все это Джоан могла бы проделать с закрытыми глазами. Но затем висели маятники. Она внимательно следила за всеми, кто пытался их пройти, – и успела понять, что маятники подвешены слишком часто, и между ними не оставалось места, чтобы встать и приготовиться. Раскачанные не синхронно и имеющие разный вес, они перемещались так, что рассчитать траекторию движения заранее было невозможно. Из всех, кто пробовал пройти их, только один дошел до третьего – но и его смело с помоста.

Джоан медленно выпрямилась на брус, на который только что спрыгнула с шеста. Предыдущие четыре препятствия она прошла раза в два быстрее, чем любой другой участник, – но маятники пугали и ее. Здесь требовалась нечеловеческая скорость.

В теории – она у Джоан была.

Но только в теории.

Она мягко спрыгнула на узкую площадку. Толпа, громко приветствовавшая ее успех на предыдущих препятствиях, снова затихла. Джоан почувствовала на себе пристальный взгляд капитана в ярком камзоле.

«Я пообещала, – подумала она. – Пообещала, что выиграю. Значит, придется пройти до конца».

Джоан сделала шаг вперед – и кивнула прислужникам, которые раскачивали маятники. Раздался глухой свист, когда десять тяжелых металлических дисков стали рассекать воздух.

Она прикрыла глаза. Сосредоточилась. И очень осторожно потянулась сознанием внутрь себя. Ее обожгло – воспоминанием, болью, страхом, и она невольно поморщилась, борясь с желанием забыть, – и больше никогда не вспоминать. Потянулась еще – и почувствовала, как огонь начинает разливаться по венам, пляшет в мышцах, вспыхивает под веками ярко-желтым пламенем.

Она открыла глаза.

Маятники со свистом рассекали воздух.

И они двигались очень, очень медленно.

* * *

Курт держал в руке солидный мешок с призом, который следовало вручить победителю. Толпа ликовала, и потому он мог в очередной раз задать свой вопрос, не опасаясь, что его могут услышать:

– И все-таки – как?

Девушка в очередной раз покачала головой. Она улыбалась, но не зло, как раньше, а мягко, задумчиво.

Курт усмехнулся, понимая, что ответа не дождется. Он уже протянул руку, чтобы вручить приз, – и снова замер.

– Иди ко мне на корабль, – предложил Курт совсем тихо.

– Нет, – спокойно ответила девушка.

– Ты никогда не хотела выйти в море? – спросил он, хитро прищурившись.

Девушка вдруг стала очень серьезной.

– Я была в море, – сказала она сухо. – Дважды. И у меня нет никакого желания туда возвращаться.

Курт вздохнул – и махнул глашатаю, чтобы объявлял наконец победителя.

Толпа ликовала – хлопала, кричала, свистела.

Девушка приняла из рук Курта приз.

Глаза у нее были совершенно желтыми.

* * *

Все повторялось.

Все это уже происходило, с той лишь разницей, что город, в котором Джоан в прошлый раз подбирала себе новую одежду, был настолько же приятней, насколько радостнее тогда она смотрела на жизнь. Саузертон был, безусловно, красив, даже поздней осенью в нем было свое очарование и шарм. Дельта даже в теплые весенние дни выглядела темнейшей дырой мироздания, в которую как будто бы для простоты сбросили все свидетельства человеческого уродства. В Саузертоне Джоан, как маленькая девочка, радовалась покупке волшебных сапог из тончайшей кожи. Здесь ей с трудом удалось найти сапожника, который умел бы делать что-либо, кроме кривых башмаков и деревянных галош. Найденный мастер не блистал талантом – но и Джоан больше не ждала подарков судьбы. Конечно, сапоги не шли ни в какое сравнение со своими саузертонскими предшественниками. Но Джоан не жаловалась.

Ей необходимо было найти себе занятие – какое-нибудь невероятно занимательное занятие, быстрее всего заменившее бы собой воспоминания. Потому что они стали возвращаться. И Джоан с ними не справлялась.

Сначала это был Саузертон. Затем все, что было до него. Вся та жизнь. Было так странно, что тогда что-то вообще могло волновать ее. Что она могла мучиться и переживать. Что по какой-то нелепой, непонятной причине она могла отпустить Генри – не отпустить, прогнать, именно прогнать его, не имея никакой уверенности, что она сможет увидеть его снова – зачем? Почему? Как она могла? В такие моменты Джоан хваталась за стены, грязные серые стены Дельты, и начинала часто-часто дышать.

«Дыхание, Джоан, – учил ее Сагр. – Научись контролировать свое дыхание. Ты дышишь, приходишь в себя, успокаиваешься. Дыши. Ничего не говори, ничего не делай, никуда не иди. Просто дыши».

Она дышала. Вспоминала Сагра – и дышала. Вспоминала отца – и дышала. Вспоминала Генри и...

Нет. В эти моменты она все еще не могла дышать.

Джоан чувствовала, как неровный камень начинает крошиться под пальцами, как начинает кружиться голова, как перед глазами вместо реальности расцветает совершенно другой мир, – тогда брала себя в руки, сжимала, сдавливала торчащие ребра и дышала, дышала, дышала. Вдох, вдох, выдох. Вдох, вдох, выдох. Вдох, вдох, выдох.

Нужно было бежать из этого города. Он тоже оказался неправильным местом, еще более неправильным, чем рыбацкая деревня. Здесь было слишком шумно, резкие запахи били в нос, люди сбивали с толку, все куда-то спешили, вечно никуда не успевали. Город вырвал Джоан из ее равнодушной летаргии. Больше не было сил делать вид, что ничего не было. И больше не было сил вспоминать все, что было. Стены Дельты могли рухнуть в конце концов, если бы она продолжила конвульсивно крушить их при каждом удобном случае.

Надо было бежать.

Но Джоан больше не могла бежать просто так, без цели и смысла. Она должна была знать, куда и зачем идет.

* * *

Спустя неделю после памятных соревнований, завершившихся сенсационной победой безвестного Джо Дрейка, оборванный паренек сильно преобразился – вместо босого, пропахшего морем и рыбой мальчишки по очень узкой и весьма грязной улочке уверенно пробирался высокий юноша с изящным холеным лицом и внимательными ореховыми глазами. Что-то было в нем такое, что заставляло прохожих сторониться и уступать дорогу, не задавая лишних вопросов. Юноша шел, заложив одну руку за пояс, и внимательно смотрел себе под ноги, лишь изредка поднимая взгляд. Его движения были быстрыми и точными.

Джоан осторожно пробиралась по улице, раздумывая, куда может податься. Фактически единственным рынком труда Дельты был порт, но Джоан хватило моря на ближайшие несколько жизней. Она раздумывала о том, чтобы пойти подмастерьем к какому-нибудь ремесленнику – у нее были сильные и ловкие руки, и, если ей удастся представиться свободнорожденной, все может получиться.

Шаги сзади заставили Джоан остановиться и прислушаться. Она замерла. Это не могло происходить снова. Они не могли найти ее здесь. Но она определенно уже слышала такие шаги – тихие, мягкие, крадущиеся шаги.

Первым желанием было бежать. Бежать так быстро, чтобы уже никто никогда не смог ее догнать. Бежать как можно дальше от этих шагов, потому что при одном воспоминании о том, кому они могут принадлежать, внутренности сжимал страх. Страх совершенно иррациональный, простой детский ужас, ужас от воспоминаний, а не от опасности как таковой...

«Стоп, – сказала Джоан самой себе, – стоп. Еще раз это не повторится. Хватит. Хватит бежать».

Она развернулась и пошла навстречу шагам. Ее услышали, потому что неожиданно стало тихо, и Джоан могла различить, как замерло дыхание тех, кто преследовал ее. Они не ожидали, что она пойдет к ним. Хорошо.

Она мысленно отсчитывала расстояние от себя до тех, кто теперь настороженно ожидал ее появления из-за поворота. Пятьдесят шагов. Двадцать. Десять. Три шага. Два. Один.

Джоан вышла из-за угла и громко вздохнула от удивления. Она так хорошо представляла себе молчаливых угрюмых людей в черном с аккуратными лицами профессиональных убийц, настолько была уверена, что ее поджидают именно они, что теперь при виде сапожника и портного, у которых она была не далее как вчера, она застыла на месте от неожиданности. Не было опасности. Не было ужаса. Были двое ремесленников, не очень умных и откровенно грубых. Но они не представляли для Джоан ровно никакого интереса.

Она снова развернулась и пошла по той улице, на которую только что свернула, в обратном направлении. Джоан злилась на себя. Они просто шли по своим делам. Просто куда-то шли. А она вообразила себе невесть что. Кому она нужна?

Джоан была так сильно занята своими мыслями, что удивилась, увидев несколько человек, загораживающих ей проход. Она помедлила и машинально обернулась – только для того, чтобы увидеть, что сапожник и портной, в компании еще двух непонятных типов, остановились в десятке шагов за ней.

«Хорошо, – пронеслось в голове Джоан, – допустим, им все-таки нужна именно я».

Она присмотрелась к людям, ожидавшим впереди. «Ну и рожи», – подумалось машинально. Впрочем, одну из этих рож Джоан совершенно точно уже видела. Это был тот самый странный мужик, который представился ей ювелиром и у которого ей удалось обменять неудобный мешок с золотыми монетами на несколько драгоценных камней. Он отлепился от стены и подошел к Джоан, остановившись в нескольких шагах. За его спиной маячили еще двое, комплекцией и выражением лица как две капли похожие на тех, что стояли вместе с портным и сапожником.

«Портовые грузчики», – догадалась Джоан. Она уже заметила, что грузчики в Дельте много и охотно халтурили помимо своей основной специальности. В основном – примерно, как сейчас. Строго говоря, они не выходили за пределы своих рабочих обязанностей. Все, что требовалось и там и тут, – это грубая физическая сила. А ее у них было хоть отбавляй, особенно при правильной мотивации.

Бесспорно, по ночам мотивация грузчиков бывала значительно выше.

Джоан сложила руки на груди. Она знала, что у нее есть все шансы оказаться на крыше быстрее, чем любой из окруживших ее успеет моргнуть. Но Джоан было любопытно, что они от нее хотят. Она, конечно, догадывалась. Но хотелось проверить.

– Чем могу быть полезна, господа? – спросила она любезно, оборачиваясь к сапожнику и портному.

– Ты – ничем, – буркнул портной. – А вот твои бриллианты нам бы оченьгодились.

Джоан кивнула. Все верно.

– Боюсь, ничем не смогу вам помочь, – сказала она тоном печальной обреченности. – Бриллиантов не осталось.

– Не говори, что ты уже все потратила, – так же неразборчиво прошипел портной. – Я не поверю!

Скорбная гримаса не сходила с лица Джоан.

– Увы, но это так. Есть один рубин, пара сапфиров, один или два изумруда. Но с бриллиантами прямо беда.

Портной расцвел прямо на глазах. Он, однако, не имел склонности к светской беседе, и потому бросил грубо:

– Давай все сюда.

Джоан спокойно кивнула.

– Хорошо. Пишите расписку.

– Какую расписку, дура? Отдавай камни.

– Так-так-так, подождите, – Джоан обеспокоенно поморщилась. – Вы что, хотите просто так их у меня забрать?

Сзади нее раздался смешок.

– План был такой, – подал голос ювелир.

– А вам не приходило в голову, что это довольно хреновый план?

– С чего это? – буркнул портной.

– С того, например, что я могу не захотеть их отдавать.

– Не дури, девка, – спокойно бросил сапожник. – Отдай камни, и мы уйдем, не причинив тебе никакого вреда.

– А если я их не отдам, вы думаете, что сможете причинить мне какой-нибудь вред?

Ювелир сзади фыркнул. Портной что-то буркнул.

– Думаю, вполне, – заметил сапожник сухо.

Джоан посмотрела ему прямо в глаза.

– Ну-ну, – только и ответила она.

Сапожник моргнул. В следующий момент девушки, стоявшей перед ним на мостовой, уже не было.

– Где она? – прошипел Ювелир. Портной выругался. Сапожник посмотрел вперед и назад по улице, потом поднял глаза.

– На крыше. Она, мать его, на крыше.

Сапожник сплюнул. Портной что-то проворчал, возможно, проклятие. Ювелир молчал. Ему с самого начала казалось, что это плохая затея.

Джоан махнула стоявшим внизу мужчинам рукой и быстро, и бесшумно пошла по крышам в сторону городских ворот. Вопрос о цели путешествия откладывался на неопределенный срок. На данный момент задачей номер один определенно было выбраться из города. Она знала, что портной и компания вряд ли оставят ее в покое. Возможно, они возьмут еще кого-нибудь в долю, чтобы поймать ее наверняка.

Она спустилась с крыши почти у самых ворот. Солнце уже садилось, но у нее еще должно было оставаться время до закрытия. Она быстро пошла по узкому проходу вдоль стены, который соединял все городские башни и который должен был привести ее прямо к караульной. Она шла быстро, глядя прямо перед собой – и потому не заметила тень, притаившуюся в одной из ниш. Тень выскользнула вслед за ней – а потом кто-то одной рукой схватил Джоан за волосы и развернул к стене, а второй приставил нож к горлу. Она вскрикнула от боли и неожиданности – и замерла. Мгновенный испуг снова взял верх над появившейся было уверенностью в себе – она чувствовала, как немеют пальцы и дрожат колени. Ужас, тот самый ужас, который не давал ей пошевелиться тогда в Саузертоне, сейчас начал скользким червяком ворочаться где-то в животе. Она судорожно сглотнула.

– Надо было лучше прятаться, – прошептал сапожник, глядя ей в глаза. – А не идти напрямик к ближайшим воротам.

– И никакой необходимости, – продолжил он, проводя рукой по шее Джоан и нащупывая шнуровку, – никакой совершенно необходимости с кем-нибудь делиться, правда?

Он спустился рукой в вырез рубашки. Нашупал мешочек, но не остановился и заскользил шершавыми пальцами по коже. Ужас в животе Джоан начал крепко переплетаться с омерзением. Она часто-часто задышала.

* * *

Сапожник был умным малым. Проворным и хитрым. Он много хотел от жизни – и, кажется, жизнь наконец подарила ему то, чего он хотел. Забрав драгоценности, он получал ключ к исполнению своей мечты – а мечта у этого смекалистого парня была на редкость честолюбивой. Он хотел выйти в люди. Всегда знал, что быть сапожником – не его удел. Что он достоин большего.

И он знал, что эта девушка – настоящий подарок судьбы. Конечно же, надо было хватать мешочек, перерезать девице горло и бежать к воротам, пока те еще не закрыли. Собственно, именно так он и собирался поступить. У него не было никаких далеко идущих планов, тем более что и девушка была не то чтобы особенно соблазнительной. Но что-то в ней было, что-то странное и манящее, что подтолкнуло его не останавливаться на мешочке с драгоценностями и

поизучать ее еще чуть-чуть. В конце концов, он ничего не терял. Простое мужское любопытство.

Он уже добрался рукой до ее груди, и сам почувствовал, что начинает слишком увлекаться. С другой стороны... время еще есть...

Он определенно увлекся. Он не заметил, как глаза девушки из ореховых превращаются в ярко-желтые, как ее дыхание неожиданно выравнивается и становится глубоким и почти беззвучным. Он не успел заметить, как реальность постепенно заменяется чем-то другим, чем-то невыразимо прекрасным...

Джоан просто оттолкнула его. Она всего-навсего дала выход тому омерзению, которое распирало ее изнутри, чувствуя, что иначе она взорвется – зная, что в ее случае это отнюдь не метафора. Джоан просто оттолкнула сапожника изо всех сил.

Парень подлетел в воздух и ударился о противоположную стену узкого прохода, после чего медленно сполз на землю.

Прошло очень много времени, прежде чем Джоан смогла моргнуть. Потому что ужас, до того просто тихо копошившийся где-то внутри, медленно и уверенно разлился по всему телу, связал руки, приклеил ноги к земле – и остановил даже глаза. Она хотела и не могла отвести взгляд от тела внизу и следа, оставшегося на стене. Она никогда раньше не видела, что происходит с человеком, разбившемся о камни.

Джоан услышала ровные шаги, приближающиеся справа. Стража. Ежевечерний обход вдоль стен. Она слышала, как стражник подошел. Как остановился. Как что-то крикнул. Раздались еще шаги, тяжелые и торопливые, кто-то громко говорил, кто-то тряс ее за плечо. Она не знала, кто. Она не могла отвести взгляда.

Джоан не сразу поняла, о чем ее спрашивают.

– Что здесь произошло?! Кто его убил? Ты видела, кто его убил?

Невероятным усилием воли Джоан медленно перевела глаза на стражника, продолжавшего трясти ее.

– Это я, – прошептала она беззвучно пересохшими губами. – Это я его убила.

Цена преступления

Все познается в сравнении. Не надо морщиться, Джоан, не надо поджимать губы. Все познается в сравнении. Поверь мне.

Кто так говорил? Джоан уже не помнила. Она сидела на каменном полу, неровном, холодном и влажном каменном полу дельтской тюрьмы и чувствовала, как вся ее жизнь медленно утекает в черную вонючую дыру в центре.

Столько времени она барахталась в волнах, плыла и тонула, жила и страдала – а смысл? Ее больше нет. Ее очень давно больше нет. Есть чудовище с ее лицом, ее голосом, ее руками. Сколько людей любили это чудовище? Сколько заботились о ней, жалели ее, доверяли ей? Доверяли этим рукам?

Рукам убийцы.

Смешная была у нее жизнь.

Когда Джоан впервые превратилась в дракона, ей казалось, что жизнь закончилась. Потом, когда Генри бросил ее у Сагра, она закончилась еще раз. Потом – когда она прогнала его. Потом – когда умер Сагр. Потом – когда она узнала, что больше нет отца и Генри. Жизнь заканчивалась и заканчивалась, и начиналась снова, потому что все это по большому счету не имело большого значения. Теперь Джоан знала это.

Ее жизнь не имела никакого значения. Она могла тысячу раз закончиться. Не было никакой ее жизни. Была только жизнь чудовища. И оно медленно и методично убивало людей вокруг. Сначала – осторожно, как будто оно было ни при чем. Теперь – своими руками. Но большой разницы не было. Просто теперь чудовище наконец-то можно было привести к ответу.

Джоан надеялась, что ее не приговорят к смертной казни. Она знала, что чудовище не даст себя убить. Нет, уж лучше пожизненное заключение. Вечное, потому что Джоан верила – чудовище никогда не умрет. Должно – но не умрет. Что ж, она готова на эту вечность. Она будет приглядывать за чудовищем. Присматривать как следует, чтобы оно никогда больше никому не причинило вреда.

Джоан сидела на полу, безучастная ко всему, что происходило вокруг. В камере было еще много людей, но она не замечала никого. Сокамерницы же, узнав, за что Джоан оказалась здесь, сторонись ее по мере сил. Никто не хотел, чтобы его мозги размазали по стенам. История о том, как умер сапожник, уже несколько дней ходила по городу, обрастая все новыми подробностями. По последней версии, убийца сама подстерегла его, ничего не подозревающего, в темном проходе, потому что хотела вернуть свои деньги. Поговаривали, что она несколько раз ударила его затылком о стену, много-много раз подряд, пока он не умер. Эти слухи проникали в камеру, о них шептались по углам. Джоан было все равно. В конце концов, это было совсем недалеко от правды.

Суд над заключенными проходил раз в две недели, массово. Городской судья садился в зале ратуши и подряд объявлял приговоры всем скопившимся за это время заключенным. Правосудие работало быстро и безошибочно. Всякий, кто оказывался в тюрьме, был виновен. Каждый виновный получал приговор. Система не давала сбой.

За пару дней до суда в камеру бросили еще одну девушку. Она была маленькой, в грязной и изодранной, но дорогой мужской одежде. Рыжие волосы тоже не страдали чистотой, но даже в таком виде они производили сильное впечатление. Буйные кудри горели так ярко, что волосы Джоан на их фоне казались банального и невыразительного коричневого цвета. Маленький вздернутый нос украшало несколько веснушек и смешная морщинка, как будто его обладательница все время стремилась увеличить его курносость. Из-под рыжих – действительно рыжих – ресниц испуганно смотрели серо-голубые глаза. Губы были разбиты и потрескались, но можно было угадать, что от природы у них была безупречная форма. Кожа, несмотря на слой пыли

и грязи, выглядела смуглой и гладкой. Джоан рассматривала девушку из своего угла, машинально отмечая все эти детали. Ей было все равно.

Первое время девушка лежала на полу и плакала. Джоан сначала наблюдала за ней, потом ей это наскучило, и она перевела взгляд на потолок. Ей было все равно.

Она с отстраненным интересом наблюдала, как девушка жметя и краснеет, глядя на черную дыру в полу. С отстраненной же вежливостью отвернулась, когда та наконец решилась ею воспользоваться. Джоан было все равно, но зачем же смущать человека?

Она заметила, что девушка иногда тоже наблюдает за ней. Слышала, как кто-то услужливо сообщил рыжей, что за странная фигура сидит все время у стены, не шевелясь и лишь переводя равнодушный взгляд с одного предмета на другой. Джоан видела краем глаза, как девушка поежилась и отползла подальше от нее. Но не возражала. Ей было все равно.

Ночью, когда все, кроме Джоан, спали, она вдруг заметила шевеление в противоположном углу. Три женщины встали с пола и осторожно, на ощупь стали пробираться к тому месту, где спала рыжая девушка. Джоан наблюдала за ними. Они не могли видеть, что она не спит. Но она видела их отлично.

Женщины окружили спящую девушку. Джоан прищурилась. Что-то странное шевельнулось внутри. Джоан отвернулась. Ей было все равно.

Она слышала, как девушка глухо замычала, видимо, кто-то зажал ей рот. Кажется, они пытались отобрать ее одежду.

Джоан глубоко вздохнула.

– Оставьте ее, – сказала она тихо, но отчетливо.

Звуки в углу затихли, а в следующее мгновение одна из женщин оказалась перед Джоан. Она быстро наклонилась и сильно схватила ее за горло.

– Без фокусов, – прошипела она.

– Плохая идея, – спокойно ответила Джоан, не обращая внимания на стальные пальцы на шее.

Женщина процедила что-то неразборчивое, но очевидно мерзкое.

– Очень плохая идея, – повторила Джоан. – Вы должны были слышать, что у сапожника был при себе нож. И что он совершенно ему не помог.

Пальцы исчезли с ее горла, темная фигура отступила на шаг. Воцарилась тишина.

– Я считаю до трех, – тихо продолжила Джоан. – На счет три вы будете сидеть в своем углу тихо, как мышки. Даже еще тише. Мне уже надоела ваша вечная возня по ночам. Так что в угол – и спать. Быстро. Раз...

Остальные отпустили девушку и отступили на пару шагов, пытаясь в темноте разглядеть Джоан.

– Два... Я не шучу. Я сейчас встану.

Они замерли.

– Три, – сказала Джоан, поднимаясь на ноги и делая шаг вперед. – Я предупреждала.

Они ломанулись к противоположной стене, спотыкаясь о спящие тела. Кто-то проснулся, кто-то громко выругался. После этого снова все затихло, слышно было только учащенное дыхание тех троих в углу, да судорожные рыдания девушки на полу. Джоан немного постояла, потом пожалала плечами и вернулась на свое место на полу.

Камера снова погрузилась в тишину.

– Спасибо, – вдруг тихо сказала девушка.

Джоан посмотрела на рыжую, в блестящие голубые глаза, пытающиеся отыскать ее в темноте.

– Всегда пожалуйста, – ответила она тихо.

И улыбнулась.

* * *

Утром рыжая сама подошла к Джоан и села рядом. Джоан сделала вид, что не заметила этого, но по большому счету не возражала. Во всяком случае, так рыжую точно больше никто не тронет.

Джоан отдала ей свою еду. Какой смысл есть еду, если она тебе совершенно не нужна и при этом отвратна на вкус? Джоан было противно от одной мысли, что чудовище внутри нее нужно еще и кормить.

Девушка была очень голодной. Она съела все.

Джоан рассчитывала, что оставшиеся два дня до суда пройдут в тишине. Она не жалела, что встала на защиту рыжей, но окружающий мир по-прежнему не представлял для нее никакого интереса. Она все еще не видела никакого смысла в том, чтобы с кем-либо о чем-либо говорить. Она хотела снова погрузиться в равнодушное созерцание, из которого ночью ее так бесцеремонно вырвали – и потому невольно начала раздражаться, когда рыжая решила, вероятно, в порыве благодарности, сойтись с ней поближе.

– Спасибо еще раз.

Джоан кивнула.

– И за еду тоже.

Джоан никак не отреагировала.

– Кстати, меня зовут Джил. Джил Гаттер.

Джоан прикрыла глаза.

– А как зовут тебя?

Джоан помедлила.

– Джо, – наконец ответила она, не открывая глаз.

– Джо? Странное имя для девушки. А дальше как?

Джоан слегка сжала зубы.

– Никак.

– Но ты же что-то сказала им при составлении протокола?

– Я сказала им, что меня зовут Джо Дрейк, но это совершенно не означает, что это правда.

– Лучше, чем ничего.

– Сомневаюсь.

Джил ничего не ответила, и Джоан начала надеяться, что ее любопытство иссякло. Но она всегда думала о людях лучше, чем они того заслуживали.

– А чем ты занимаешься?

Джоан промолчала.

– Хей! Ну, расскажи мне, Джо, что ты умеешь.

– Убивать, – ответила Джоан спокойно, поворачиваясь к Джил и глядя ей прямо в глаза.

К ее удивлению, Джил не отвела взгляда.

– А я умею воровать лошадей, – невозмутимо сообщила она.

– Хорошо умеешь? – подняла брови Джоан.

– Судя по тому, что я здесь, – усмехнулась Джил, – не очень.

* * *

В день суда всех начали по очереди выводить из камеры. Обратного уже никто не возвращался, поэтому узнать, как проходит суд, не было никакой возможности. Джоан заметила, что теперь исход суда стал представлять для нее интерес. Ей вдруг пришло в голову, что мысль

о смертной казни не нравится ей вовсе не потому, что это освободит дракона. Джоан просто-напросто не хотелось умирать, а полное превращение, она знала, было равносильно этому.

Она не хотела задавать вопросов Джил, боясь проявить к девушке чересчур большой интерес и тем самым снова дать повод поговорить по душам. Но любопытство в конце концов пересилило.

– Какой приговор обычно выносит суд?

Джил ответила не сразу.

– По-разному.

– Зависит от преступления?

– В основном.

Джоан подождала, что девушка скажет ей что-нибудь еще, но та молчала.

– Я просто хочу понять, какова вероятность того, что меня повесят, – спокойной заметила

Джоан.

Джил как-то странно на нее посмотрела.

– Очень небольшая. Крошечная, я бы сказала.

– Почему? Мне казалось, это обычное наказание для убийц.

– Здесь, в Дельте, никогда не станут убивать человека, если из него можно извлечь выгоду.

Джоан открыла рот, но тут замок громко лязгнул, и в камеру вошли двое стражников.

– Джо Дрейк. На выход.

Джоан встала и послушно подставила руки под наручники, от которых тянулась длинная цепь. Выходя, она кинула вопросительный взгляд на Джил, но та не смотрела на нее.

Городская тюрьма соединялась со зданием ратуши длинным подземным переходом. В конце перехода было небольшое караульное помещение, одна из дверей в котором вела прямо в зал для суда. Стражники убедились, что из зала уже увели предыдущего обвиняемого, после чего вошли туда вместе с Джоан.

Судья сидел в высоком резном кресле, обитом ярко-красной тканью. Вид у него был усталый и почти обреченный. Перед ним стоял большой стол, за одним концом которого сидел писарь, усиленно что-то строчивший. Когда Джоан подвели к судье, тот нехотя поднял глаза и смерил ее взглядом.

– Имя?

– Джо Дрейк, – ответил один из стражников.

Писарь быстро подsunул судье протокол допроса и показания свидетелей.

– Так-так, – покачал судья головой, пробегая глазами по тексту. – Убийство, значит. Обвиняемая Джо Дрейк, признаете ли вы вашу вину?

– Да, господин судья.

Писарь перестал писать и уставился на нее. Судья поперхнулся и закашлялся. Один из стражников задержал дыхание, второй, наоборот, с шумом выдохнул.

– Что вы сказали? – переспросил судья, наконец откашлявшись.

– Я сказала, что признаю свою вину, – несколько недоуменно ответила Джоан.

– Любопытно, любопытно... – пробормотал судья, глядя в протокол. Потом снова с нескрываемым интересом посмотрел на Джоан. Увидев ее растерянное выражение лица, он слегка улыбнулся.

– Видите ли... Я – судья Дельты вот уже почти двадцать три года. И еще ни разу ни один обвиняемый не признавал своей вины.

– Ну что ж... – продолжил он задумчиво, – раз вы такая... сознательная... и убийство непредумышленное...

Он выпрямился в кресле, кивнул писарю, и тот снова застрочил.

– Властью, данной мне людьми города Дельта, я приговариваю Джо Дрейк к пяти годам рабства. Средства, полученные с продажи подсудимой, идут в счет компенсации семье убитого.

Судья стукнул молотком и махнул рукой стражникам. Когда она уже выходила из зала, она увидела, что в другую дверь заводят Джил. Та вопросительно на нее посмотрела, и Джоан показала одну руку, растопырив все пальцы. Джил удивленно подняла брови, но Джоан уже выпихнула за дверь.

Ее отвели в небольшую комнатку, в которой – о чудо! – Джоан ждали вода и мыло. Там ей выдали новую одежду – бесформенную шерстяную тунику грязно-серого цвета и такие же штаны, завязывающиеся веревкой на поясе. Старую одежду забрали, оставив только сапоги, что, впрочем, было уже неплохо. Арестантская форма была ей непомерно велика, но Джоан это мало волновало.

Когда она оделась, ей снова сковали руки и повели по каким-то коридорам. Свернув пару раз, они вышли на длинную галерею, идущую с задней стороны ратуши. На галерею вело много комнат, и, присмотревшись, Джоан поняла, что это камеры. Некоторые из них были уже заполнены арестантами, но комната, в которую привели Джоан, пока что пустовала. Она села на пол у стены и прикрыла глаза. Можно было снова на некоторое время погрузиться в полную апатию, и она сидела так не думая, почти не дыша, пока снова не лязгнул замок, и в комнату не ввели Джил. Ей тоже выдали комплект формы и забрали ее одежду. Джил села у стены напротив.

– Сколько? – спросила Джоан.

– Семь. Как получилось, что ты отделалась пятью?

Джоан пожала плечами.

– Я умею произвести хорошее впечатление. Что теперь?

– Теперь они загонят сюда еще несколько десятков таких же везунчиков, как мы, и завтра устроят торги.

– И кто обычно на этих торгах покупает? – после некоторого молчания спросила Джоан.

– По-разному. В основном скупают крестьяне, ремесленники, иногда купцы. Берут на всякую черную подсобную работу, где можно легко на цепь посадить. Если человек умеет что-нибудь особенное, глашатай это объявляет, и тогда его могут на место получше купить. Недавно у нас был один беглый монашек, который пытался курицу стянуть, так он писать умел. Его купила городская управа писарем. Пять лет штаны протирал, а как освободили – повышение получил. Сейчас второй секретарь в Городском совете, – Джил усмехнулась.

– А кто покупает девушек?

Джил напряглась.

– Смотря каких. Тех, кто в хозяйстве сведущ, кухарить умеет или шить – тех чаще всего берут в большие дома. Этим неплохо живется, порой не хуже, чем в родительском доме, разве что на цепи.

– А тех, кто не сведущ?

– Красивых, – тихо сказала Джил, – покупает госпожа Бонтони. Несколько раз приезжал какой-то не то барон, не то маркиз, и отбил у нее одну девку. Ее отец задолжал всему городу, и отдал свою дочь... в уплату долгов. Кажется, ему тогда со всеми расплатиться удалось. И лошадь у нас купить, – прибавила она еще тише.

– Откуда ты все это знаешь? – не удержалась Джоан.

– Так ведь торг на ярмарке всегда проходит – и зрителей много, и покупателей. А мы с отцом ни одной ярмарки не пропускали. Пока я мелкая была, он мне давал горсть монет и отсылал гулять, чтоб под ногами не путалась.

– И ты смотрела на торг рабов? – удивленно спросила Джоан. Она не могла представить, как такое зрелище может доставлять удовольствие.

– Я не смотрела, – сказала Джил, поднимая глаза. – Просто глашатай кричит всегда громко. На всю ярмарку слышно.

* * *

Рано утром Джил и Джоан вместе с остальными осужденными вывели на площадь. Неподалеку от ратуши, почти там, где во время соревнований стояли трибуны, был устроен длинный помост, на котором арестантов построили и приковали цепями к кольцам, вкрученным в доски помоста. Их выстроили по алфавиту, поэтому Джо Дрейк и Джил Гаттер стояли рядом. Было холодно и сыро, и Джоан увидела, что Джил мерзнет. Некоторое время она старалась этого не замечать. Потом положила девушке руку на спину и стала сильно тереть.

Они долго стояли на холоде, пока вокруг собиралась толпа потенциальных покупателей. Многие ходили вдоль помоста, придирчиво рассматривая арестантов. Трогать руками запрещалось, но это не мешало некоторым бросать такие взгляды, что даже Джоан становилось немного не по себе. Она краем глаза оценила крепость кольца. Выдернуть его из досок ничего не стоило, но дальше ты оказывался посреди многолюдной площади, со стражниками и арбалетчиками из городского гарнизона со всех сторон. Джоан могла бы убежать и от них. Но она знала, что Джил не сможет.

Наконец прозвонил гонг, и глашатай объявил начало торгов. Он выкрикивал имя арестанта, его возраст, обвинительный приговор и срок рабства. Далее следовали умения и навыки, которые могли быть использованы в дальнейшем, а затем минимальная цена, которая соответствовала сумме компенсации, установленной законом. Если в процессе торгов цена повышалась, излишек шел в городскую казну.

Джоан легко вычислила в толпе госпожу Бонтони, статную даму, рядом с которой никто не хотел стоять. Та скользнула по Джоан глазами безо всякого интереса, что было понятно – Джоан обладала отнюдь не бордельной комплекцией. Зато на Джил она посмотрела куда внимательнее, особенно на ярко-рыжие пушистые волосы. Джоан знала, что такие волосы ценились высоко.

Джоан слушала, как глашатай объявляет третьего в очереди, некоего Боливара из Беттерби, двадцать шесть лет, убийство в пьяном виде, осужден на десять лет, без особых навыков, когда она заметила в толпе очередной пристальный взгляд. Он был не похож на другие, липкие и оценивающие, и она присмотрелась повнимательнее.

Это был мужчина средних лет, в неброской, но хорошей одежде. Лицо украшали примечательный крупный нос с горбинкой и пронзительно синие глаза, которые глядели на Джоан внимательно и серьезно. На мгновение их взгляды встретились, после чего мужчина отвернулся, как будто заинтересовавшись незадачливым Боливаром.

Тот так и не был продан – в таких случаях арестанты отправлялись на нужды города, где чаще всего издыхали, не дождавшись срока освобождения. Наступила очередь Джил. Несколько человек проявили интерес при словах «отличные навыки обращения с лошадьми», но госпожа Бонтони спокойно и уверенно перебивала любую цену. Наконец все остальные предложения иссякли. Джоан посмотрела на Джил, а потом еще раз на кольца в полу.

– Тысяча лотаров, – раздался голос из толпы. Джоан подняла глаза и увидела того самого горбоносого мужчину. Толпа ахнула, госпожа Бонтони раздраженно пожала плечами, и Джил отцепили от кольца и отвели к ее новому законному хозяину. По дороге она два раза оглянулась на Джоан, ошарашенно и испуганно.

– Джо Дрейк, – крикнул глашатай, как только «товар» был передан владельцу, – и толпа ахнула, услышав имя победителя недавних соревнований, – семнадцать лет, непредумышленное убийство, осуждена на пять лет. Умеет читать, писать, шить, готовить, резать по дереву. Победитель соревнований капитана Глока. Минимальный взнос – двести лотаров.

Толпа снова загудела, каждый хотел обсудить с соседями, выгодное ли это вложение, стоит ли брать убийцу в дом и кому нужна кухарка, которая умеет читать и писать. И тогда мужчина с синими глазами второй раз поднял руку.

– Триста лотаров.

Толпа снова ахнула и снова обернулась посмотреть на этого чудака. Госпожа Бонтони покрутила пальцем у виска.

– Другие предложения есть?

Все молчали.

– В таком случае – продано за триста лотаров господину Инкеру из Дорнберга.

Джоан так же отцепили от кольца и подвели к синеглазому мужчине. Тот взял вторую цепь и пристегнул оба кольца к своей лошади, затем снял с пояса пузатый мешочек и подошел к казначею. Синеглазый поставил мешочек на стол и написал расписку – об уплате оставшейся суммы долга. После чего вернулся, забрался в седло и повел лошадь, к которой были пристегнуты Джоан и Джил, легко пробираясь верхом сквозь оживленную ярмарочную толпу.

* * *

До Дорнберга было полдня езды, но, поскольку они шли шагом, путешествие грозило растянуться до позднего вечера. Однако примерно на полпути, когда они проезжали через густой лес, Инкер неожиданно свернул с дороги на еле заметную тропинку, идущую в глухую чащу. Джоан и Джил настороженно переглянулись, но цепи тянули, и им ничего не оставалось, как пойти следом.

Скоро тропинка вышла на опушку, где стояла покосившаяся хижина. Инкер спешился, отстегнул цепи от седла и прицепил к ручке двери. Похлопал себя по карманам, поморщился и ушел внутрь.

– Что происходит? – еле слышно прошептала Джил.

– Не знаю, – одними губами ответила Джоан. – Но мне это не нравится.

– Может, рванем? – спросила Джил, взглядом указывая на дверь, но тут Инкер вышел, держа в руках ножовку. Джил вздрогнула и попятилась.

– Давайте сюда ваши руки, – бросил он. Джоан напряглась. «Пора», – подумала она, и быстро огляделась, пытаясь определить, в какую сторону нужно будет бежать, чтобы их было сложнее догнать на лошади.

– Так, – сказал вдруг Инкер, опуская ножовку. – Наверное, мне надо кое-что пояснить. Я не собираюсь распиливать вас на куски, а потом насиловать по частям, и даже наоборот – сначала насиловать, а потом распиливать на куски, – не собираюсь. Я хочу снять ваши кандалы, чтобы вы могли переодеться в человеческую одежду и поесть, потому что иначе вы упадете от голода. Да и я тоже упаду, – проворчал он, оглядываясь на домик. – Так что, без глупостей, давайте сюда руки.

Джоан недоверчиво посмотрела на него.

– А ключ разве не выдают при покупке?

Инкер усмехнулся:

– Выдают. Но я его забыл взять.

Джоан глубоко вздохнула, еще раз подозрительно покосилась на ножовку, и наконец подошла, подняв скованные руки. Инкер долго распиливал сначала один наручник, а затем другой, но наконец с противным звоном металл поддался, и Джоан стала массировать затекшие запястья. Джил, которая с любопытством наблюдала за всей процедурой, подставила свои руки, и через некоторое время она тоже с удовольствием потягивалась. Джоан внимательно смотрела на Инкера.

– И что теперь? Мы ведь можем сбежать в лес в любой момент, и одному двоих точно не поймать.

– Можете, – невозмутимо сказал он, – но вряд ли захотите. Вы продрогли, а ночью снова будет холодно. Вы ничего не ели с утра. Кроме того, – добавил он, – вам просто некуда бежать. В любом городе и селе в вас тут же признают арестанток и вернут в Дельту. И продадут на четырнадцать и десять лет соответственно кому-то куда менее доброму, нежели я.

– Он дело говорит, – подала голос Джил.

– Я знаю, – сказала Джоан. – Я только не могу понять, какой у него в этом деле интерес.

– Личный, – коротко ответил Инкер и ушел в дом, не сказав больше ни слова.

* * *

Когда они переоделись в великоватую, мужскую, но вполне приличную и теплую одежду и перекусили, Инкер скомандовал снова трогаться в путь. Девушки повиновались. Он был прав насчет побега. Даже одетые и сытые, они вряд ли пока могли куда-нибудь податься. Инкер выглядел вполне безобидно, и Джоан решила, что момент еще не настал. Кроме того, как вполголоса заметила Джил, вряд ли он потратил бы почти полторы тысячи, если бы собирался сразу от них избавиться каким-нибудь зверским образом. Джоан смущало, что она не знала мотивов Инкера и, следовательно, не могла представить себе, зачем он выкинул на них такую кучу денег. Но, так или иначе, Инкер теперь шел пешком, а они вдвоем ехали на лошади, и это, до поры до времени, вселяло некоторый оптимизм.

Они добрались до Дорнберга поздно вечером, проехали город насквозь и продолжили путь по тракту. Джоан снова начали одолевать сомнения, но тут справа от дороги показались огни, и они въехали через большие ворота на широкий двор, окруженный частоколом и невысокими домами. В распахнутых воротах одного из них стоял сутулый мужчина с угольно-черными волосами и острой бородкой. Насмешливые темные глаза, подчеркнутые небольшими морщинками в уголках, смотрели скептически.

– Отлично, – сказал он громко, когда Инкер велел девушкам спешиться. – Прекрасная покупка, Инкер.

Инкер молчал. У Джоан сложилось впечатление, что он из той породы людей, которые разговаривают немного, и только когда это действительно необходимо.

Она хорошо знала таких людей.

– Ты, если мне память не изменяет, должен был привезти конюха и помощника кузнеца. Что ж, я вижу, что ты долго присматривался к кандидатам, взвесил все за и против. В общем, ответственно подошел к тому, чтобы вложить наши, между прочим, общие деньги самым выгодным образом. Как обычно.

Лицо Инкера было совершенно невозмутимым.

– Вот эта рыжая, Герхард, – он указал головой на Джил, – дочь покойного Билла Гаттера. Помнишь такого? Как ты думаешь, мог я нам найти лучшего конюха?

– Seriously? – Герхард слегка смягчился. – Дочь старика Гаттера?

Джил кивнула.

– Ну хорошо, – сказал наконец Герхард уже не столь ядовитым тоном. – Тут, я думаю, все в порядке. Хотя мне страшно подумать, сколько за нее пришлось заплатить. Но ты же не будешь уверять меня, что вторая – дочь лучшего дельтского кузнеца? Хотя и в этом случае в подмастерья она все равно не годилась бы. Тебя что, – повернулся он к Джоан, – плохо кормили, девушка?

– Случалось, – усмехнулась она.

– Оно и видно, – буркнул Герхард. – И что нам делать? Ларри уже ноет в голос, что он не успевает ничего. Потому что ему приходится самому тягать мешки с углем и вчерне обрабатывать металл. А ты опять не смог сдержать своих прекраснородушных порывов.

Инкер пристально посмотрел на Герхарда.

– Давно «Хильду» не выпускали?

Герхард перестал улыбаться и отвел глаза. Хмуро глянул на Джоан.

– Я могу быть помощником кузнеца, – тихо сказала она.

Герхард громко фыркнул.

– Смешно.

– Я серьезно.

– Девушка, помощник кузнеца таскает многопудовые мешки и ворочает кузнечным молотом только так. Вот этим вот, – показал он на огромный молот, стоявший у другой створки ворот. – Я сомневаюсь, что ты сможешь его даже поднять.

Ничего не говоря, Джоан подошла к воротам в кузницу, не сводя с Герхарда взгляда. Он прищурился. Она подняла молот – он казался по-детски легким. Джоан слегка покачала его, держа за рукоять, а потом резко подбросила вверх. Молот подлетел высоко в воздух. Джоан поймала его левой рукой, быстро перевернула и аккуратно поставила на место.

– Ее посадили за то, – произнес Герхард в наступившей тишине, – что во время подобного трюка она кому-то пробила голову?

– Почти, – ответил Инкер.

Мир за частоколом

Инкер был оружейником, Герхард – ювелиром.

Дела мастерской в последнее время шли в гору, сеть клиентов расширялась, появились заказы издалека. Их нужно было доставлять, а для этого оказалось выгоднее иметь своих гонцов на собственных лошадях. Быстроногие верховые лошади же, как выяснилось, требовали к себе нежного и трепетного отношения, которого местные крестьяне, привыкшие к деревенским тяжеловозам, никак не проявляли. Так возникла необходимость в хорошем конюхе – и Инкер действительно не ошибся, купив Джил. Он не держал ее на цепи, как полагалось, но это и не требовалось – Джил вряд ли теперь хотела сбежать. У нее были стол, кров – и лошади. Ее любимые лошади.

Что же касалось второго приобретения оружейника... Ларри, главный кузнец мастерской, очень выразительно посмотрел на Инкера, когда тот сообщил ему, что вот эта худая девка – его новый помощник. Но Джоан быстро убедила его в том, что внешность невероятно часто бывает обманчива. И Ларри не жаловался. По правде говоря, времени у него особенно много не было, чтобы придавать значение тому, что большого значения не имеет. Ну девка. Ну худенькая как тростинка. Ну странная и неразговорчивая. Ну сильная, как вол. Мало ли. Всякое случается на свете.

Она была толкова, не ленилась, выполняла все поручения быстро и беспрекословно. Остальные кузнецы в первые дни отпускали сальные шуточки в ее адрес, но Ларри быстро это пресек. Да и внешность Джо помогала. Худощавая высокая фигура, обезображенные руки, короткая стрижка – она скорее походила на чересчур женственного мальчика, и очень быстро все именно так и стали ее воспринимать. Имя помогало – иногда кто-нибудь даже обращался к ней в мужском роде. Джо как будто не замечала. И все постепенно перестали замечать ее.

Ларри иногда наблюдал за девушкой издалека. Интереснее всего было смотреть, с какой легкостью и скоростью она перемещает тяжелые предметы. Это выглядело нереальным – потому что даже здоровые мужики-кузнецы и подмастерья, прежде чем поднять тяжеленные мешки и ящики, крикали, приседали и собирались с силами. Джо же просто подхватывала и переставляла. Было видно, как при этом каменеют мышцы ее ненормально тонких рук, как выступают жилы на покрытых шрамами предплечьях – но ее дыхание оставалось таким же ровным, на лице не проступало ни тени усилия. Ларри, интереса ради, несколько раз пытался проделать такой же фокус, когда никто не видел. Не получалось.

Он единственный обратил внимание на то, что к концу лета Джо несколько поправилась и вообще стала выглядеть значительно лучше. Когда она только появилась в мастерской, Ларри каждый день ждал, что девушка падет замертво, потому что настолько исхудавшего тела он еще не встречал. Он заметил, что Джо очень мало ест – и настоял на том, чтобы она ела каждый день вместе с его семьей. Девушка поначалу отказывалась – но Ларри наконец облек свое предложение в форму приказа, и вопрос был решен. После еды девушка играла с детьми. Иногда при этом она даже улыбалась. Но не очень часто.

* * *

Мир был ограничен частоколом. Вдоль частокола – дома, сараи, амбары. В центре – кузница. Это – сердце мастерской. Пылающее, жаркое сердце.

Сердце того мира, который остался у Джоан.

Ритм жизни был ровным, успокаивающим. Работа – еда – работа – сон. Джоан поначалу не знала, что делать с шестью часами безделья, из которых она могла спать от силы два, и как-то

осторожно поинтересовалась у Инкера, нельзя ли ей иногда выходить за пределы мастерской. Инкер помолчал положенную вечность, после чего коротко ответил, что можно, если при этом никто не будет ее видеть. С тех пор Джоан иногда бродила ночью по окрестностям. Среди немногих вещей, оставшихся ей от прежней жизни, была любовь к пешим прогулкам.

Инкер не задал Джоан ни единого вопроса о том, кто она такая и откуда, хотя у него было достаточно причин это сделать. Но он едва ли перекинулся с ней словом с тех пор, как они приехали в мастерскую. Джоан по-прежнему не могла понять, почему он решил так много заплатить за них. Неоправданно много. Но она благоразумно решила, что ее вопросы могут побудить его задать в ответ свои, и это было совсем не то, к чему она стремилась. Поэтому она молчала и только кивала Инкеру при встрече.

Герхард, напротив, оказался на редкость разговорчивым. Джоан часто слышала сквозь открытые от жары ворота кузницы, как тот болтает и перешучивается с Джил во дворе. Не оставлял он в покое и Джоан. Герхард пытался подступить к ней то с одной, то с другой стороны, и то, что это каждый раз не удавалось, кажется, не сильно расстраивало его.

Благодаря ночным вылазкам Джоан удалось разжиться большим запасом пустырника. Она могла теперь справляться и без него, но привычка, выработанная за несколько лет, давала о себе знать – ей иногда не хватало горечи напитка, чтобы почувствовать себя увереннее и спокойнее.

Герхард заметил фляжку, висящую на поясе Джоан, как и тот факт, что она то и дело прикладывает к ней в течение дня.

– Что у тебя здесь, девушка? – спросил он, когда она вышла подышать свежим воздухом.

Джоан спокойно посмотрела на него, держа фляжку в левой руке и слегка массируя себе шею правой.

– Ты не хочешь этого знать, – тихо, но отчетливо заметила она.

– Не думаю. Мне любопытно, что такое ты пьешь каждый день. Вряд ли это вода, э? – усмехнулся Герхард.

– Нет, – согласилась Джоан, отпивая еще глоток и слегка морщась. Настой сегодня был особенно крепким, даже для нее.

– Могу я попробовать? – шутливо спросил он, подходя ближе.

– Не думаю, что это хорошая идея, – возразила она, внимательно глядя на него.

– Мне любопытно, – настаивал он. Джоан вздохнула и протянула ему флягу. Герхард поднял ту, как будто произнося тост за здоровье Джоан, и отхлебнул большой глоток.

Фляга вылетела у него из руки, и он страшно закашлялся, согнувшись пополам. Джоан некоторое время наблюдала за ним с отстраненным интересом, после чего наклонилась, подняла фляжку с земли и аккуратно завинтила колпачок.

– Что это? – с трудом спросил Герхард, вытирая слезы и выпрямляясь.

– Я предупреждала, что ты не хочешь этого знать, – бросила Джоан и скрылась в кузнице.

Пустырник сделал свое дело. Герхард больше не приставал и только иногда смотрел на Джоан пристально.

Джил, вдохновленная их совместным приключением, снова попыталась сойтись с Джоан поближе, но та все так же считала, что это бессмысленная затея. Дружба предполагала доверие, доверие предполагало искренность и честность. Джоан сомневалась, что в ее жизни есть хоть что-то, о чем она готова была бы честно рассказать. Поэтому Джоан ограничивалась кивками, короткими ответами и сухими усмешками – не замечая, вероятно, что по степени неразговорчивости вполне может соперничать с Инкером. Если уже его не обогнала.

* * *

Время близилось к полудню. Джоан стояла у ворот в кузницу. Она всегда устраивала себе несколько долгих перерывов и не понимала остальных рабочих, которые то и дело выбегали на улицу и тут же возвращались назад. Ей это казалось лишней суетой.

Стоя во дворе, Джоан всегда очень внимательно наблюдала за происходящим там. Это было главным смыслом всех ее перерывов – обеспечить себя хорошим запасом пищи для размышлений. В противном случае во время работы сознание самым подлым образом начинало обращаться к воспоминаниям, к которым совершенно не следовало обращаться. Джоан это раздражало – поэтому она взяла себе за правило очень тщательно следить за всем, что происходило в мастерской, чтобы потом на эту тему можно было как следует подумать. Иногда она начинала ненавидеть свою голову за то, что той необходимо так много думать. Но ничего сделать с этим не могла.

В этот день во дворе происходило много всего интересного. К Инкеру приехал два очень серьезных покупателя. Они приехали верхом, их слуги приехали верхом, и, пока господа общались с оружейником и его компаньоном, слуги и лошади господ наслаждались обществом лошадей и слуг мастерской. Джил с явным вождением во взгляде ходила кругами вокруг жеребца одного из клиентов, разглядывая его то спереди, то сзади, и с каждым кругом подходя все ближе.

Чуть позже в кузницу пришла целая делегация из деревни, с большим заказом на всякую хозяйственную утварь. Почему приходило следовало толпой, а не по одному, было большой загадкой как для работников мастерской, так, кажется, и для самих деревенских, но поскольку это стало сложившейся традицией, нарушать ее казалось чем-то неприличным. При этом деревенские мужики всегда шумели без повода, бранились без толка и вообще создавали сумятицу и неразбериху, совсем не свойственную на редкость дисциплинированной атмосфере мастерской.

Они бы раздражали Джоан только этим – но, кроме того, деревенские мужики всякий раз не упускали возможности сосречь насчет девушки-кузнеца. Шутки сопровождалось таким количеством матерщины, что даже самое невинное выражение звучало бы на редкость грубо, и сводились к тому, о чем Джоан с детства учили вслух не упоминать, и тем более – не в таких выражениях. Поэтому всякий раз при виде деревенских Джоан спешила скрыться в глубине кузницы. Сейчас, однако, ей очень не хотелось уходить, поскольку перерыв только начался, и было обидно лишать себя заслуженного отдыха. Поэтому Джоан осталась, по возможности стараясь казаться частью ворот.

Увы, притвориться столбом ей не удалось. Мужики заметили девушку и, как обычно, начали сыпать оскорблениями. Джоан делала вид, что не замечает их. И она, безусловно, могла преуспеть в этом, имея за плечами отличный опыт дельтской тюрьмы, если бы один из пришедших не решил, что, если девушку нельзя задеть словами, ее можно попробовать достать чем-нибудь потяжелее.

Идея во всех смыслах была плохой. Даже если бы у метавшего были шансы попасть в Джоан, он вряд ли мог рассчитывать, что остальные работники мастерской оставят это дело просто так. И страшно подумать, какой массовой потасовкой с участием деревенских мужиков, кузнецов из мастерской и слуг двух знатных господ это могло бы закончиться, если бы Джоан молниеносным движением не перехватила камень у самого своего лица. Пару мгновений она стояла неподвижно, не в силах поверить в то, что только что произошло. Никто ничего не заметил, кроме нее и бросившего камень парня, – слишком быстрым был его бросок и слишком незаметным – ее движение. Она посмотрела ему в глаза, он зло сплюнул и отвернулся.

Странное ощущение разлилось по всему телу, Джоан почувствовала, как пальцы машинально сжимаются вокруг камня, обкрашивая неровные края, она подняла руку, глядя на ненавистную голову...

– Джо! – крикнул Инкер, выходящий из здания конторы с двумя покупателями. Что-то было в его голосе такое, что заставило ее обернуться, несмотря на закипающую в крови волну ненависти. На короткий миг они встретились глазами, – после чего она очень осторожно и легко бросила камень, выпустив его из пульсирующих злобой пальцев. Это было лучшее, на что она была способна – бросить камень в другую сторону, стараясь не вкладывать в это никакой силы. Булыжник описал в воздухе широкую дугу и приземлился в ожидающую, сильную и уверенную руку Инкера. Он поднял ее в странном жесте, как будто говоря «мы еще обсудим это», после чего пошел провожать обоих гостей. Джоан поспешила скрыться в глубине кузницы, и оставалась там до тех пор, пока все деревенские не покинули мастерскую.

Вечером, когда она доделывала последние дела, в кузницу зашел Инкер. Ларри, который был тут же, пошел к нему навстречу, решив, что оружейник явился к ним по поводу сегодняшнего заказа. Инкер, однако, покачал головой и пошел напрямик к Джоан. Она не видела его, но сразу узнала шаги. У него была особенная походка – размеренная и напряженная одновременно, походка опытного фехтовальщика, фиксирующего каждое движение и одновременно готового в любой момент поменять траекторию. При его приближении Джоан выпрямилась и повернулась, убирая со лба непослушные пряди, которые со времени стрижки успели отрасти и теперь норовили лезть в глаза всякий раз, когда Джоан наклонялась.

– Что это было сегодня? – спросил Инкер спокойно.

Она пожала плечами.

– Недоразумение.

– Это недоразумение могло мне дорого обойтись.

Джоан отвернулась и сделала вид, что очень занята.

– Посмотри на меня, девушка.

Она проигнорировала его.

– Джо, – сказал Инкер жестко, одновременно оказавшись рядом с ней и хватая ее за подбородок, так что она не могла не смотреть на него.

– Ты хорошо отдаешь себе отчет в том, что я в любой момент могу отправить тебя туда, откуда взял?

– О да, – усмехнулась она. Сделать это было нелегко, потому что его пальцы давили ей на челюсть. – Я, правда, не очень понимаю, с какой стати. Вроде бы ты хорошо знал, кто я. Ну или, по крайней мере, что я сделала.

– Наглеешь.

– Едва ли. Никогда не прикидывалась покладистой.

Инкер поморщился и отпустил ее. Джоан тут же отступила на несколько шагов. Она не желала ему зла, и совершенно не собиралась никого калечить, поэтому безопаснее было отойти.

– Ты знаешь, что я никогда не задавал тебе никаких вопросов.

– Да. И благодарна за это.

– Но если еще раз...

– Это не повторится.

– И все-таки...

– Я обещаю.

– Джо, – покачал головой Инкер. – Я понимал, кого покупал и брал сюда. Но мне будет проще, если я буду знать все.

– Что именно?

– Кто ты, девушка?

Джоан мягко улыбнулась, но эта улыбка затронула лишь ее губы.

– Нет, Инкер. Не задавай мне этого вопроса. Я виновата – я потеряла контроль. Даю слово, что больше этого не допущу. Но если ты хочешь, чтобы я оставалась здесь, не спрашивай меня ни о чем. У тебя отлично получалось это раньше, – добавила она.

– Это требовало определенных усилий, – заметил он рассеянно – и тут же пристально на нее посмотрел:

– Что значит, «если я хочу»?

– Инкер, – усмехнулась Джоан, – как ты думаешь, сильно ли меня затруднит убежать отсюда? Убежать в любом интересующем меня направлении?

Он задумался:

– Думаю, не сильно.

Улыбка Джоан стала чуть шире.

– Поэтому мне еще интереснее, почему же ты до сих пор этого не сделала, – внезапно добавил Инкер.

Джоан вздрогнула.

– По правде говоря, – продолжил он, – я не понимаю, каким образом ты вообще оказалась в дельтской тюрьме?

– Я убила человека, – ответила Джоан несколько удивленно.

– Я знаю. Но едва ли тебе стоило большого труда сбежать в любой момент до суда? Да и после него – тоже.

Джоан ответила не сразу.

– Хватит, Инкер. Если тебя не устраивает, что ты чего-то обо мне не знаешь – хорошо. Можешь вернуть меня в Дельту. Я не буду сопротивляться, чтобы у тебя не было проблем. Но не жди, что угрозами заставишь меня рассказать тебе то, что я не хочу рассказывать никому и никогда.

Инкер долго и задумчиво смотрел на нее.

– Наверное, ты права. А жаль.

– Не сомневаюсь, – бросила она уже на ходу, пользуясь первой возможностью уйти, сбежать, прекратить этот разговор, ставший слишком опасным.

Потому что больше всего ей хотелось рассказать ему все.

* * *

Теплый воздух из кузницы теребил волосы Джоан. Снаружи было холодно – утром прошел дождь.

Инкер и Джил стояли в противоположном конце двора, рядом с конюшней, и разговаривали. Джоан, только что вышедшая из кузницы, легко могла расслышать содержание их разговора, но оно мало ее интересовало. Куда любопытнее было наблюдать за Инкером, за его мимикой, жестами, пластикой. Джоан все пыталась разгадать его, понять, что у него на уме. Но она знала, что не стоит лишний раз заговаривать с оружейником. Джоан не была уверена, сможет ли снова устоять перед искушением.

Она не видела, как подошел Герхард, но почувствовала его присутствие, когда тот остановился рядом и прислонился ко второму столбу ворот.

– Я все вижу, – сказал он хитро.

Джоан слегка нахмурилась, не поворачиваясь к нему.

– Что именно?

– Ты уже больше недели не сводишь глаз с моего компаньона. Интересно узнать причину. На этот раз Джоан обернулась к Герхарду.

– Пытаюсь понять, на кой ляд ему понадобилось выкидывать на нас уйму денег.

– Ах, – только и ответил Герхард, отворачиваясь. – Что ж, вложение оказалось вполне удачным, – добавил он, внимательно глядя на Джил.

– Ты ведь знаешь, в чем дело, – тихо заметила Джоан.

– Да.

– Но мне не расскажешь.

– Нет.

– Невероятно, – усмехнулась Джоан. – Я думала, тебя обрадует любая возможность почесать языком.

Герхард быстро повернулся к ней. Джоан вздрогнула от того, каким жестким стало его лицо.

– Плохо думала, – бросил он – и ушел, не дожидаясь ответа.

Она нашла его вечером в выставочном зале мастерской. Джоан редко здесь бывала, но всякий раз удивлялась порядку и прохладной тишине, которые царили в зале, особенно заметным по контрасту с кузницей. Герхард сосредоточенно протирал стекло одного из столов, где были выставлены разнообразные кинжалы – от длинных и угрожающих на вид до самых маленьких, размером немногим более шпильки. Джоан часто видела, как он что-нибудь убирал или моет. У него определенно был пунктик на тему порядка.

При виде девушки Герхард на мгновение замер, после чего продолжил как ни в чем не бывало мыть и без того идеально чистое стекло. Джоан стала ждать. Герхард кинул на нее быстрый взгляд, потом еще один. Наконец слегка усмехнулся и отложил тряпку в сторону.

– Я очень внимательно слушаю, – сказала Джоан мягко.

Он вздохнул, разглядывая витрину.

– Мы выросли вместе, – начал он тихо. – Далеко отсюда, под Корком. Я, Инкер и Хильда, его младшая сестра. У нее были такие же синие глаза, как и у него – только нос поаккуратней, – Герхард слабо улыбнулся. – Мы вместе играли, дружили, ссорились, мирились. Росли. А потом мы с Инкером уехали. Он – учиться оружейному ремеслу сюда, под Дорнберг, а я – ювелирному, в Акрию. Мы изредка обменивались письмами. Инкер рассказал, что старый оружейник сделал его главным подмастерьем, а потом и вовсе передал все дела ему. Я за него радовался. Надеялся, что у меня тоже все получится. И тогда я вернусь в Корк и... Но все не очень складывалось. Я написал Инкеру, от которого уже больше года не получал вестей, – и он ответил, что я могу приехать. Бумага, к сожалению, не передает ничего лишнего.

– Когда я приехал, то обнаружил более или менее живой труп. Я ужасно переживал за него. А потом он рассказал, что случилось. Что ферма родителей сгорела. Что за неуплаченный оброк лендлорд продал их. Их и Хильду. Что, когда Инкер узнал об этом, он пытался их найти. Нашел Хильду. В публичном доме. Умиравшую после плохо сделанного аборта.

– С тех пор мы стали работать вместе. И два раза в год Инкер ездит в Дельту и кого-нибудь покупает. За баснословные деньги, лишь бы выкупить. Мы давно могли бы разбогатеть – но все еще едва сводим концы с концами. А ведущая марка клинков у нас называется «Хильда». В дорогом варианте я инкрустирую букву «Х» на оголовке драгоценными камнями.

Герхард замолчал. Джоан стала у столба идеальным каменным изваянием.

– А ты... – начала она. Герхард поднял на нее глаза. Они были черными и непроницаемыми.

– А я просто инкрустирую букву «Х». И ничего больше.

* * *

Они сидели втроем в пустой столовой. Как обычно, рядом с ними стояла бутылка, но сегодня они к ней мало притрагивались. Герхард был необычайно тихим и задумчивым, Инкер – предсказуемо молчал. Джил, которая с недавних пор стала участником их вечерней

трапезы, чертила на столе завитушки каплей вина. Они сидели, думая каждый о своем, когда в дверях показалась тень. Джил, сидевшая лицом к входу, удивленно вздохнула. Герхард слегка усмехнулся, не поднимая головы, Инкер еле заметно пожал плечами, не оборачиваясь. Им обоим не нужно было смотреть, чтобы узнать, кто пришел в этот поздний час.

– Только сразу предупреждаю, – тихо заметила Джоан, подсаживаясь к ним, – не ждите от меня никаких откровений. Я просто пришла с вами посидеть.

Инкер подал Джил знак, что нужен еще один кубок, но Джоан покачала головой.

– Я не пью.

– А как же та горькая дрянь? – ехидно поинтересовался Герхард.

Джоан усмехнулась и сняла фляжку с пояса.

* * *

Их было четверо. Каждый вечер они собирались в пустом, полутемном зале столовой и долго сидели вместе. Иногда они разговаривали, иногда молчали. Но даже в середине самого оживленного спора, самой доверительной дружеской беседы каждый из них чувствовал свое одиночество. Каждый из них знал, что не сумел сохранить в своей жизни что-то очень важное, единственное, что имело в ней значение. Каждый больше всего хотел бы избавиться от своего прошлого – и каждый больше всего дорожил именно теми днями, которые уже было не вернуть. И каждый в глубине души считал, что никто не может его понять.

Они сидели каждый вечер, разговаривая и молча о своем. Дни превращались в недели. Недели становились месяцами.

Они разговаривали и молчали.

Искусство убивать

«Ну что, доигралась?» – зло подумала Джоан, сжимая в руке клинок.

Она уже давно обдумывала эту мысль. Точнее, пыталась спрятать мысль как можно дальше, а та упорно раз за разом вылезала обратно и стучала в висок маленьким настойчивым молоточком. Попробуй, попробуй, попробуй.

Джоан решительно встряхивала головой – но мысль никак не хотела вытряхиваться наружу. И наконец дождалась своего часа.

Ларри послал Джоан за одним из клинков для копии. Она заглянула в комнату, прикрывавшую к выставочному залу. Здесь были выставлены менее ценные образцы, покупатели могли проверить оружие в действии – и здесь каждый день тренировался Инкер. Это не было позерством – его уроки и услуги опытного противника сильно повышали популярность мастерской.

Джоан зашла как раз во время тренировки. Она тихо встала в тени, наблюдая за оружейником. Джоан выросла при дворе – она знала цену хорошему фехтованию. Прищурившись, жадно впивалась взглядом в каждое точное движение, каждый незаметный, но незаменимый шаг, пока Инкер не увидел ее. Он остановился и слегка улыбнулся ей, переводя дыхание.

– Прости, – сказала Джоан легко, скрывая интерес и восхищение, которые невольно испытывала, глядя на него. – Я сейчас уйду.

Он кивнул, не спуская с девушки глаз. Она подошла к одному из грубо сколоченных щитов, на котором висели клинки. Нужный, за которым и послал ее Ларри, был на самом верху – для того, чтобы достать его, нужно было воспользоваться небольшой лесенкой. Не будь здесь Инкера, Джоан не стала бы заморачиваться – снять клинок в прыжке не представляло большой сложности. Но Джоан старалась не демонстрировать без крайней необходимости всех своих способностей. Про нее и так знали слишком много.

Она чувствовала, что оружейник наблюдает за ней, поэтому нарочито медленно и осторожно поднялась на несколько ступеней, сняла клинок с креплений на щите и спустилась с ним вниз. Она старалась не спешить – не догадываясь, что на такой скорости ее ненормальная грация особенно бросалась в глаза.

– Джоан, а ты никогда не хотела научиться фехтовать? – неожиданно спросил Инкер.

Она замерла на последней ступени, потом медленно повернулась к нему.

– Нет.

– Я мог бы тебя научить. По правде сказать, я бы очень хотел тебя научить.

– Почему? – слегка удивилась Джоан.

– Потому что, как любой учитель, я падаю до талантливых учеников, – улыбнулся Инкер, и его глаза насмешливо блеснули.

– С чего ты взял, что я талантлива? – нахмурилась Джоан. Инкер улыбнулся еще шире. Его всякий раз веселило, когда она говорила вот так. Он никогда не мог понять, действительно ли она не отдает себе отчет в том, что из себя представляет, или же только притворяется.

– Профессиональное чутье, – коротко ответил Инкер.

– Нет, – повторила Джоан твердо.

Он только кивнул, скрывая синие всполохи в глазах, и как ни в чем не бывало вернулся к прерванному упражнению. Джоан поспешила уйти. Она не любила подолгу оставаться с Инкером наедине.

Слишком много он замечал.

* * *

Они начали тренировки на следующий день.

– Знаешь, почему я считаю, что у тебя талант?

Инкер и Джоан сидели на пороге тренировочного зала и ели яблоко. Оно было одно на двоих, и каждый по очереди аккуратно откусывал его со своей стороны.

– Ну?

– Ты умеешь концентрироваться и оставаться совершенно спокойной. А это – одно из главных умений для фехтовальщика. Где ты этому научилась?

Джоан выразительно промолчала и надкусила яблоко.

– Ладно, не спрашиваю.

Джоан кивнула, возвращая ему огрызок.

– Ты этому учишь богатых юнцов, которые приезжают сюда заниматься?

– Нет, – усмехнулся Инкер. – Только самых талантливых учеников.

– Например?

– Меня, – раздался голос Герхарда. Он ловко наклонился, выхватил огрызок из пальцев Инкера и проглотил его целиком, оставив лишь сморщенный коричневый хвостик. – Ну что, компаньон, она готова?

– Надоело пикироваться только на словах? – усмехнулся оружейник.

Герхард блеснул зубами. Джоан удивленно обернулась к Инкеру.

– Мы с Герхом решили, что тебе надо попробовать сразиться с ним.

– Но ведь ты – его учитель?

– Я.

– А разве это не значит, что ты – лучше?

Инкер мягко улыбнулся:

– Нет. Это лишь значит, что я хорошо умею объяснять. А он – просто умеет.

* * *

– Что такое, Джоан?

– Ничего.

– Я хорошо тебя знаю. В чем дело?

– Ты твердишь, что у меня талант.

– Да.

– Тогда почему Герхард настолько лучше меня?

– Потому что у него тоже есть талант. А еще – опыт.

– Мне кажется, я не понимаю чего-то важного.

– Возможно.

– Чего?

– Спроси у него.

* * *

– Что я делаю не так, Герх?

– Ничего. Ты все делаешь так.

– Тогда почему?..

– Потому что ты боишься.

- Я ничего не боюсь.
- Неправда. Ты боишься убивать.

* * *

– Я правильно понял? Ты решила прекратить тренировки? – Инкер стоял у входа в кузницу, сложив руки на груди.

Джоан только пожала плечами. Солнце клонилось к закату – в этом свете ее короткие волосы выглядели совсем кровавыми.

- Почему?
- Я узнала, чему мне нужно научиться.
- И?

– И я не хочу этому учиться, – просто ответила она. – Мне жаль, если я разочаровала тебя. Но у меня не получится стать талантливым учеником.

- Ты уже им стала, – мягко заметил Инкер.

Джоан слабо усмехнулась:

- В любом случае, сейчас мое обучение подошло к концу.

Она собиралась уйти вглубь кузницы, где яркое пламя подражало вечернему солнцу, но он окликнул ее:

- Джо.
- Она обернулась.
- Что именно сказал тебе Герхард?
  - Что я боюсь убивать.
  - Ты боишься?

Она пристально посмотрела на него, развернулась и пошла прочь. На этот раз он не стал ее окликать.

* * *

- Держи.

Инкер протягивал ей книгу в потрепанном кожаном переплете.

– Что это? – Джоан взяла книгу в руки, не в силах устоять и одновременно пытаюсь скрыть странное возбуждение при виде гладкого обреза страниц и округлого корешка.

- Книга. Я решил, что тебе будет интересно ее посмотреть. Ты ведь умеешь читать?

Джоан не слышала его вопроса. Открыла страницу с фронтисписом.

- А, «Защита и нападение», – улыбнулась она при виде заголовка.

Инкер слегка прищурился.

– Ты ее читала? – подозрительно спросил он. Джоан подняла на него глаза, разом опомнившись. Она поняла, что только что выдала себя.

- Где ты ее читала? – не сдавался Инкер, когда Джоан захлопнула книгу и протянула ему.

Джоан молчала. «Защиту и нападение» она нашла в библиотеке Тенгейла и проглотила за один вечер – философский трактат об искусстве поединка был совсем не похож на те книги, которые она читала обычно. С абсолютной ясностью Джоан вспомнила, как сильно она хотела обсудить прочитанное с Генри и как упорно он уклонялся беседы.

Кажется, теперь она стала понимать почему.

Воспоминание окатило холодом. Джоан опустила глаза, чтобы не встречаться взглядом с Инкером.

- Спасибо, мне не нужна книга, – пробормотала она тихо.

Тогда Инкер не стал настаивать.

Но на следующий день позвал Джоан к себе в контору. На вялые попытки отговориться он никак не отреагировал, и она поняла, что лучше всего будет покончить с этим раз и навсегда. Раз уж он и впрямь так хочет с ней это обсудить.

Здание конторы, носившее такое гордое название, на деле состояло из мастерской Герхарда и кабинета Инкера, в котором тот принимал важных клиентов. Комната была небольшой, но хорошо обставленной – мебель явно вышла из-под руки умелого столяра, на обшитых деревянными панелями стенах висели коллекционные клинки. В одном углу стоял небольшой шкаф с книгами, в другом – буфет с темными пузатыми бутылками.

– Садись, – Инкер жестом указал Джоан на красивое резное кресло, а сам сел за массивный письменный стол.

Джоан послушно села.

– Ты читала «Защиту и нападение», – Инкер не спрашивал, поэтому Джоан лишь кивнула. – Что еще?

Она невольно улыбнулась. Только человек, чья личная библиотека насчитывала пару десятков томов, мог задать такой вопрос. Но Джоан успела заметить одно название на корешке, и потому с готовностью ответила:

– «Смерть и бессмертие».

Инкер приподнял брови.

– И ты, конечно же, опять не ответишь, где ты читала подобные книги?

Джоан выругалась про себя. Поспешив назвать знакомый Инкеру труд, она не подумала о том, что это была за книга.

Сложный философско-религиозный трактат о жизни и смерти. Совсем не легкое развлекательное чтение. И к тому же труднодоступное – найти экземпляр этой запрещенной когда-то книги было совсем не просто...

Джоан внимательно посмотрела на Инкера.

– А как получилось, что ты читал «Смерть и бессмертие»?

– Хотел прояснить для себя... некоторые вопросы, – невозмутимо ответил Инкер.

– Например? – Джоан не собиралась так легко сдаваться. В конце концов, она хорошо помнила основной тезис книги, которую принес ей Инкер: «Лучшая защита – это нападение».

– Например, зачем нужна смерть... Зачем она нужна, Джоан? – неожиданно спросил Инкер, и та поняла, что не она одна хорошо помнит прочитанное.

– Чтобы подвести итог. Жизнь без смерти не имеет смысла, – невозмутимо ответила Джоан.

– Тогда что плохого в убийстве? – улыбнулся Инкер.

– Мы не вправе решать, когда нужно подвести итог.

– Но ведь смерть – всегда итог. Жизнь все равно обретает смысл...

– Инкер, – прервала его Джоан. – Не заговаривай мне зубы. Ты же сам знаешь, что плохого в убийстве.

– Что? – не переставая улыбаться, спросил Инкер.

– Выбор. Убивая, ты лишаешь человека выбора. А выбор – это то, что ведет его к Свету. Улыбка Инкера стала ироничной.

– А, так ты веришь в Свет, – протянул он.

Джоан усмехнулась. Она не была уверена, применимо ли к ней слово «верить».

– Я верю в необходимость выбора, – ответила она тем не менее. – Своего и чужого.

Синие глаза Инкера насмешливо изучали ее лицо.

– И ты боишься выбрать неправильно?

– Нет, – тихо сказала Джоан. – Я боюсь, что не смогу выбрать.

– У человека всегда есть выбор.

– У человека – да, – она посмотрела ему прямо в глаза, зная, что подошла опасно близко к тому, чтобы рассказать ему правду. Достаточно было задать всего лишь еще один вопрос.

Но Инкер его не задал. Он молчал, больше не улыбаясь.

– Тебе не следовало учить меня, – еще тише заметила Джоан. – Не стоит учить меня большему.

Она встала, и он не пытался остановить ее.

В дверях Джоан обернулась.

– Возможно... Возможно, я и так это умею.

* * *

В конце осени все собрались на ярмарку в Дельту. Это было важным событием – половина прибыли мастерской зависела от того, как хорошо они смогут выставить свою продукцию в городе. Джоан отказалась ехать. Ей хватало коротких визитов деревенских мужиков, чтобы понять: чем меньше она встречается с незнакомыми людьми – тем лучше. Для всех.

На ярмарку собрались все работники – даже жена Ларри с детьми. Джил, убравшая волосы под косынку, чтобы не бросаться в глаза, тоже поехала – она хотела посмотреть лошадей. Джоан проводила их и закрыла ворота. Запирать не стала – вернутся же. Чего лишнее ходить.

Солнце только начало клониться к закату, когда Джоан услышала скрип ворот, топот копыт и ржание во дворе. «Вернулись раньше времени, что ли?» – подумала недоуменно и выглянула во двор.

Замерла. Пальцы непроизвольно сжались, ногти больно впились в ладонь.

Даже если бы она не помнила их лиц, то узнала бы по движениям – коротким, скупым, отточенным до автоматизма. Их было семеро – шестеро уже спешили и извлекли из ножен короткие мечи, а седьмой, тот самый аккуратный, остался в седле и внимательно осматривал двор.

«Бежать!» – промелькнула первая мысль. Но Джоан не могла сдвинуться с места – холодный ужас скрутил живот, мешал дышать, сковывал руки и ноги судорогой.

Аккуратный заметил Джоан в дверях кузницы и приветливо улыбнулся.

– А, принцесса. Хорошо, что мы тебя наконец нашли.

Джоан судорожно вздохнула. «Превратиться. Улететь как можно дальше».

Но в кончиках пальцев не было ни намека на силу, только холод и страх.

– Пожалуйста, Джоан, давай в этот раз обойдемся без фокусов, – как будто прочитал ее мысли аккуратный. – Если ты снова улетишь, мы не перестанем преследовать тебя. Знаешь, скольких нам пришлось пытаться и убить, чтобы найти тебя снова? Будь умницей. Совершенно не нужно подвергать ни в чем неповинных людей таким страданиям.

Джоан вздрогнула. Что-то внутри нее шевельнулось, что-то горячее, совсем не похожее на страх.

– Ненавижу храбрых людей, – продолжал аккуратный задумчиво, как будто говоря сам с собой. – Любому трусу достаточно задать пару вопросов – и все, после этого его можно быстро и тихо убить. Но если вдруг попадается герой... – аккуратный сокрушенно покачал головой. – На них уходит ужасно много времени.

Теперь Джоан уже не могла ошибиться – она ощущала тепло, разливающееся по венам, раскрывающее ладони всполохом чистого чувства, сильного и яркого.

– Знаешь, сколько сил пришлось потратить на Теннесси? – аккуратный вдруг посмотрел Джоан прямо в глаза. – А он так тебя и не выдал.

Сердце взорвалось. Джоан едва успела поймать себя, когда огонь уже раскинулся по телу горячей волной, такой мощной, что воздух вокруг засеребрился, вырисовываясь в крылья, и мир выкристаллизировался в логичную и ясную систему.

Джоан крепко зажмурилась – но даже под веками глаза горели желтым, жгли кожу пламенем абсолютной силы и знания... Она затрясла головой, пытаясь сконцентрироваться, загнать разрывающее ее чувство внутрь себя.

«Я не хочу никого убивать, – подумала она яростно. – Даже их. Я не хочу стать такой, как они».

Не станешь.

Джоан распахнула глаза.

Аккуратный внимательно следил за ней. Улыбка пропала, и он напряженно всматривался в Джоан, возможно, догадываясь, что с ней происходит.

– Если превратишься, – прошипел он, – мы вырежем тут всех.

– Не превращусь, – спокойно ответила Джоан – и сделала шаг вперед.

Шестеро с мечами, до того безучастно ожидавшие приказа, непроизвольно отступили. Аккуратный снова улыбнулся.

– Умница, – ласково протянул он – и коротко бросил остальным: – Убить.

Они подскочили к ней, окружили, но не плотным кольцом, оставляя себе возможность для маневра. Трое напали, остальные держались на шаг позади, чтобы мгновенно атаковать, пока отражаются первые удары.

В этой тактике не было смысла – у девушки, которую они собирались убить, не было оружия, она не смогла бы парировать даже один выпад.

Но они оставили пространство для маневра. Ей – тоже.

Джоан танцевала. Пламя пробегало под кожей, плясало внутри, и Джоан плясала вместе с ним, балансируя на грани реальности, почти растворив свою сущность в бесконечности. Она выскальзывала из-под их клинков в самый последний момент, крутилась, кружилась, заставляя их кружиться вместе с собой, увлекая, запутывая...

Раздался удивленный вздох и тихое шипение, и убийцы как по команде отступили. Один из них держался за щеку, и по руке тонкой струйкой текла кровь.

На безучастных, равнодушных лицах появилась тень недоумения. Недоверия. Неуверенности. Стоявший напротив раненого с удивлением посмотрел на свой клинок.

Джоан замерла, прикрыв глаза. Сейчас она слышала малейший шорох, чувствовала дуновение ветра от каждого движения, ощущала тепло, исходящие от их тел. Как будто все они стали частью ее – каждый следующий шаг угадывался, каждая мысль была предсказуемой.

Она могла бы сделать с ними все что угодно.

Но она просто стояла и ждала.

– Что происходит? – резко спросил аккуратный у отступивших нападавших. – Почему она все еще на ногах?

– Хороший вопрос, – пробормотал раненый.

– Закругляйтесь уже, – презрительно бросил аккуратный.

Они собрались – и снова подались вперед.

Теперь нападавшие стали действовать по-другому. Атаковали по очереди, мгновенно меняясь, чтобы не дать ей заманить себя, как в прошлый раз – но она была слишком быстрой. Девушка в центре круга будто и не двигалась с места – но они не могли ее достать.

– Да в чем дело?! – нетерпеливо воскликнул аккуратный, подъезжая чуть ближе. – Она даже без оружия!

– Угу, – буркнул раненый. Из длинного пореза на щеке не переставала идти кровь. Они снова отступили от девушки, которая застыла в центре круга, прикрыв глаза.

Аккуратный коротко и зло выругался, отцепил от седла небольшой, уже взведенный арбалет, быстро прицелился и выстрелил.

Движения никто не увидел. Девушка стояла спиной к всаднику – и вот она уже смотрит ему прямо в глаза, а в руке, поднятой к лицу, зажат арбалетный болт. Ее глаза были совершенно желтыми.

Аккуратный вздрогнул и опустил арбалет. Шестеро мужчин с мечами замерли.

– Что за... – прошипел один, переводя взгляд с арбалета на руку девушки и обратно. Она быстро раскрыла пальцы, и болт отлетел далеко за пределы круга.

– Уходите, – сказала она тихо, но очень отчетливо. – Положите мечи – и уходите. Пожалуйста.

Аккуратный громко фыркнул – но осекся, когда заметил лица остальных. Несколько мгновений во дворе стояла абсолютная тишина.

Раненный в щеку сплюнул и бросил меч на землю.

– Пошло оно все, – заметил он пренебрежительно – и направился к своей лошади.

– Стоять! – крикнул аккуратный, но тот повернулся к нему изуродованной щекой, на которой кровь уже запеклась темной коричневой маской.

– Мне жизнь дорога, – ответил он.

Аккуратный открыл рот, собираясь сказать что-то еще, – но девушка молниеносно наклонилась и выпрямилась с мечом в руке.

– Уходите, – повторила она, медленно поворачиваясь и заглядывая каждому в глаза. – Вы видели, что я могу без оружия. Представьте себе, на что я способна с мечом.

Мгновение они смотрели на девушку, которая обводила их взглядом ярко-желтых глаз, – а затем мечи полетели к ее ногам. Металл неприятно лязгнул о металл.

– Что вы творите?! – взвизгнул аккуратный. Один из нападавших мрачно посмотрел на него.

– Мы наемники, а не самоубийцы.

– Вы должны были ее убить!

– Вот сам и убивай. Если такой умный.

И они вышли из круга с той же невозмутимостью, с которой до этого собирались атаковать девушку.

Аккуратный презрительно посмотрел на них:

– И где же ваш хваленый профессионализм?

Раненый, прижимая к щеке оторванный от рубашки кусок рукава, пожал плечами.

– Профессионализм – это не лезть на рожон.

Аккуратный прищурился.

– Я найду вас, – прошипел он.

Раненый кивнул.

– Тогда и поговорим.

Спокойными, отточенными движениями все шестеро сели на лошадей и шагом выехали со двора, ни разу не посмотрев назад.

Аккуратный медленно повернулся к Джоан.

– Что ж, – сказал он сухо, легко прыгнул на землю и извлек из ножен красивый, покрытый гравировкой меч. – Придется опять все делать самому.

Джоан сжала рукоять чуть сильнее. Несмотря на все, что только что произошло, ее снова охватил страх. Аккуратный гипнотизировал ее. И огонь внутри, только что позволявший двигаться с невероятной скоростью, начал постепенно угасать. И с ужасом Джоан поняла, что аккуратный знал об этом. Чувал, что теперь она ничего не может с ним сделать.

– Ты боишься меня, – мягко улыбнулся аккуратный, подтверждая ее мысли. Он приблизился к ней осторожно, не торопясь, обходя по кругу и заставляя крутиться на месте. – И ты

неопытна, принцесса. Очень талантлива – но очень неопытна. А опыт зачастую куда важнее таланта.

Джоан сжала зубы, заставляя себя сконцентрироваться.

Аккуратный улыбнулся снова – и прыгнул вперед.

Будь он просто быстрым, Джоан могла бы справиться с ним – потому что она тоже была быстрой. Но он великолепно фехтовал. Лучше нее. Лучше Инкера. Лучше Герхарда. Он будто бы угадывал ее движение до того, как она успевала его сделать, как если бы теперь он мог читать ее мысли. Джоан успевала только парировать его удары – но с каждым следующим казалось, что еще чуть-чуть – и она не успеет.

После очередной стычки аккуратный отступил на шаг и слегка склонил голову набок, изучая Джоан. Она тяжело дышала.

– Ужасно боишься, – заметил он спокойно.

«Возьми себя в руки, – зло приказала себе Джоан. – Ты не можешь ему достаться. Ты – дракон».

Аккуратный снова заскользил по кругу.

– Ты не видишь красоты убийства, принцесса. Его логичности и предопределенности. Смерть – это венец творения. Конец всего, ясный и естественный. Без смерти жизнь стала бы хаосом.

Джоан медленно поворачивалась за ним, пытаясь собраться с мыслями.

– Ты считаешь меня чудовищем – но я всего лишь приношу в мир порядок и красоту.

Поэтому я так люблю свою работу.

Джоан глубоко вздохнула.

«Он не дает мне сосредоточиться. Заговаривает. Видит насквозь – а ведь все должно быть наоборот.

Это я должна видеть его насквозь.

Это я должна принести в мир порядок и красоту.

Это я должна его убить».

Она почувствовала, как огонек силы снова вспыхнул внутри, и подхватила его, раздувая во всепоглощающее пламя. Тут же унялась дрожь в руках, дыхание выровнялось. Джоан уверенно расправила плечи – и улыбнулась.

Аккуратный замер и внимательно посмотрел на нее. В глазах промелькнуло сначала подозрение – а затем испуг.

Джоан усмехнулась еще шире.

И шагнула навстречу.

Теперь она могла сделать с ним все что угодно. Огонь внутри направлял, подсказывал движения, раскрывал мысли аккуратного, как будто они были ее собственными. Легко вывернувшись из-под очередного выпада, она слегка резанула его по плечу. Он тихо зашипел – но не сбавил темпа, тут же атаковав ее снова. Она парировала удар и отступила на пару шагов, с удовлетворением глядя, как темнеет порез на рукаве его куртки.

С губ Джоан не сходила улыбка.

Аккуратный тяжело дышал, не спуская с нее глаз. Джоан снова сократила расстояние между ними, уже не позволяя ему атаковать, нанося удар за ударом точно и безжалостно. Аккуратный дышал все тяжелее – и двигался все медленнее.

Наконец Джоан выбила меч у него из рук. Он стоял перед ней, уже совсем не аккуратный, взъерошенный, бледный, истекающий кровью из множества ран.

– Ты выиграла, – сказал он спокойно. – Но ты не убьешь меня.

– С чего ты взял? – усмехнулась она холодно, поднимая меч.

– Ты не убьешь меня, потому что я могу сообщить тебе нечто очень важное. Безумно важное для тебя.

– Удиви меня.

– Генри Теннеси жив.

Это произошло мгновенно – пламя внутри нее взвилось вверх, выжигая рассудок, пожирая все, что осталось внутри, – и опало. Исчезло.

Остались лишь тишина и пепел.

– Я не убивал его, – продолжил аккуратно тихо и вдруг покачнулся. – Тебе не нужно мстить за него.

Он рухнул на колени – и одновременно от ворот раздался крик:

– Джо!

Она медленно обернулась. К ней бежал Инкер, за его спиной маячили Ларри, Герхард, Джил, дети...

– Что происходит? Кто это? – Инкер подбежал к ним – и осекся, увидев меч в руке Джоан и раны человека, стоявшего на коленях. – Джо?..

Она посмотрела на мужчину перед собой. Он криво усмехнулся побелевшими губами.

– Ты не убьешь меня, принцесса, – прошептал он – и рухнул на бок.

Синие глаза Инкера расширились. Он переводил взгляд с бездыханного тела на Джоан – а она хватала ртом воздух, как будто вынырнув на поверхность со дна глубокого озера.

– Кто это? – повторил Инкер тихо и жестко.

Джоан не ответила. Меч выпал из ее руки и глухо ударился о песок.

Герхард, Джил и Ларри подошли ближе. Под их пристальными взглядами Джоан вдруг наклонилась к мужчине – и легко подняла его на руки.

Глаза Инкера стали еще шире. Джоан повернулась – и он вздрогнул, когда она наконец встретилась с ним взглядом.

– Ему нужно помочь, – сказала она коротко – и понесла тело в свою каморку.

* * *

В мастерской нашелся подходящий шелк. Джоан наложила жгуты, распустила ткань на нити, смочила их и иглу в крепком вине. Вымыла руки. Подумала и смочила и их в вине тоже. Кажется, Сагр так делал. Так? Или нет?

Она не помнила.

«Хватит! – приказала Джоан самой себе. – Смогла почти убить – сумей и собрать заново».

– Ты когда-нибудь это делала? – спросил Инкер.

– Да, – кивнула Джоан. – С мертвыми кроликами.

Инкер тяжело вздохнул. Он стоял в двери, наблюдая за всеми приготовлениями.

Джоан склонилась над плечом мужчины. Света было немного – но, к счастью, ей он и не требовался.

– Джо, – окликнул ее Инкер. – Что тут произошло?

Джоан повернулась к нему.

– Инкер, – ответила она тихо. – Ты отвлекаешь меня. А он истекает кровью. Я закончу здесь – и расскажу тебе. Все. Обещаю.

Инкер хотел было поспорить – но ее глаза сверкнули на мгновение в темноте желтым, и он промолчал. Вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Она обещала рассказать. Значит – расскажет.

* * *

В кабинете стояла такая тишина, что было слышно, как жуки-древоточцы прогрызают себе путь в деревянных панелях на стенах.

Инкер молчал. Ничего удивительного в этом не было – но Джоан хорошо научилась разбираться в оттенках его молчания. Оно было тяжелым, глухим.

Настороженным.

«Ну а чего ты хотела», – грустно улыбнулась она про себя.

– Принцесса, – наконец тихо пробормотал Инкер. – Принцесса, превращающаяся в дракона. И давно это с тобой? – неожиданно спросил он.

– Что именно? – уточнила Джоан. – Принцесса я, вроде, с рождения.

– А дракон?

– А дракон – не с рождения.

Инкер вздохнул.

– И твой брат обвиняет тебя в убийстве отца, которого убил сам, – продолжил он резюмировать ее рассказ. – И подсылает к тебе убийц. А ты их калечишь. А потом сама же и зашиваешь.

Джоан молчала.

– Теперь я понимаю, почему ты ничего не хотела рассказывать. Тем более я бы все равно не поверил.

– А теперь веришь?

– Я слышал, как он тебя назвал. И видел его меч. Такие не носят разбойники с большой дороги.

Джоан слабо усмехнулась. Потом вновь стала серьезной.

– Мне надо уезжать, – сказала она.

– Но...

– Я знаю. Помню, что должна работать у тебя пять лет. Но я не могу здесь остаться. Вряд ли эти были последними. Джон не остановится. Он... упрямый.

– Значит, ты просто больше не будешь оставаться здесь одна.

Джоан покачала головой.

– Нет. Значит, я больше не останусь здесь. Мы разыграем мой побег. И ты сам о нем сообщишь властям, – с нажимом добавила Джоан, когда Инкер нахмурился. – Постарайся сделать так, чтобы слух об этом разошелся как можно шире. Так, чтобы никому и в голову не пришло соваться сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.